

ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

№ 35

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кп. „Сборника“, содѣрж. соч. Н. Г. Помяловскаго, А. И. Куприна, А. А. Фета и Оскара Уайльда, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенийъ, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 1-го сентябрь 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярнонаучныя приложения“ за Сентябрь 1912 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Сентябрь 1912 г. съ 42 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. величину и 28 рис. для вышиванія.

Тайна.

Разсказъ Н. Олигера.

Перепечатка воспрещается.

I.

Кассы банка закрывались для публики въ половинѣ четвертаго. Потомъ еще съ полчаса или немного дольше служащіе заключали счета, приводили въ порядокъ бумаги и документы. Въ четыре часа накладывались печати на дверь стальной комнаты, и банкъ пустѣлъ. Оставались только сторожа и дежурные артельщики.

У Аверкіева вчера жестоко болѣлъ верхній глазной зубъ, и весь день пришлось проходить съ обвязаннымъ лицомъ. Сегодня утромъ боль прекратилась, но какъ-то слишкомъ уже неожиданно,— сразу. Это было подозрительно, и, стоя за своей конторкой въ отдѣлѣ простыхъ текущихъ счетовъ, Аверкіевъ то и дѣло трогалъ щеку рукой и, наклонивъ голову на бокъ, прислушивался, не заболить ли. Гдѣ-то была открыта форточка: дуло.

Едва дождался окончанія операций, мечтая о домашнемъ теплѣ и уютѣ,— и о маковой настойкѣ, которой хорошо полоскать ротъ въ качествѣ предупредительного средства. Послѣ звонка торопился заключать счета и подводить итоги. Отъ излишней торопливости, конечно, напуталъ и въ концѣ концовъ освободился однимъ изъ самыхъ послѣднихъ. Повязывая на ходу мягкое шерстяное кашне, направился къ выходу.

Въ широкомъ вестибюльѣ, надъ лѣстницей, цѣлая толпа: служащіе, сторожа, артельщики, прикомандированный къ банку городовой. Загородили дорогу, и Аверкіеву поневолѣ пришлось остановиться и тоже смотрѣть на то, что привлекало почему-то общее вниманіе. Но изъ заднихъ рядовъ почти ничего не было видно и, только протолкавшись впередъ, Аверкіевъ разсмотрѣлъ дѣвочку лѣтъ девяти, съ блокурами длинными волосами, хорошо одѣтую въ пушистую бѣлую шубку и мѣховой капоръ. Дѣвочка держалась прямо и твердо, аккуратно составивъ маленькия ножки въ теплыхъ гамашахъ, и смотрѣла куда-то въ неопределѣленно далекую точку ясными и холодными глазами. На лицахъ всѣхъ тѣхъ людей, которые тѣснымъ кольцомъ окружали дѣвочку, отчетливо запечатлѣлись острое любопытство и нѣкоторая недорумѣнная растерянность, а сама она одна только и была какъ-будто совсѣмъ спокойна.

Аверкіевъ тронулъ за плечо своего сослуживца по текущимъ счетамъ:

— Максимъ Петровичъ, чѣдъ это?
Тотъ неопределѣленно мотнулъ головой:

— Да вотъ, видите: дѣвочка.
— Чѣдъ—дѣвочка?

— Вотъ и никто не знаетъ—чѣдъ?—вздохнулъ Максимъ Петровичъ.—Сидѣла совсѣмъ одна здѣсь, на кругломъ диванчикѣ. Всѣ уходять, а она сидитъ. Ну, нашъ вахтеръ спросилъ ее, какъ она тутъ и почему... Потомъ городовой тоже спрашивалъ. И ничего не добились... Неизвѣстно.

Минувшей осенью у Аверкіева умерла отъ какой-то длительной желудочной болѣзни старшая дочь. Умерла и оставала на рукахъ у отца,— и съ того времени онъ затаилъ въ себѣ какую-то особую, проникновенную нѣжность къ дѣтямъ,— къ невинному и беспомощному поколѣнію, которое радуется, какъ святые, и страдаетъ, какъ грѣшники. И такъ какъ сейчасъ всѣ присутствующіе, видимо, чувствовали себя нѣсколько растерянными и не знали, чѣдъ дѣлать дальше, Аверкіевъ принялъ на себя активную роль, пробрался еще ближе къ дѣвочкѣ и, накнувъ свою круглую съ мягкой розовой лысиной голову, спросилъ тѣмъ особымъ, слишкомъ ласковымъ тономъ, какимъ всегда разговариваютъ съ больными или обиженными дѣтьми любящіе родители:

— Ты одна сюда пришла, дѣвочка, или съ мамой?

Холодные и ясные глаза оторвались отъ неопределѣленно далекой точки, неторопливо поднялись вверхъ, къ лицу Аверкіева, и спокойно встрѣтились съ его взглядомъ:

— Одна.

Но сейчасъ же какая-то едва уловимая тѣнь пробѣжалась по

спокойному лицу. И, не мѣняя тона, какъ-будто продолжая все одну и ту же мысль, дѣвочка поправилась:

— Нѣть, не одна. Съ тетей.

Аверкіевъ потрогалъ кончикомъ пальцевъ щеку съ больнымъ зубомъ, потомъ выпрямилъ шею и взглянулъ на Максима Петровича. Тотъ раскачивался съ ноги на ногу, заложивъ руки въ карманы, и дѣлалъ глубокомысленное лицо. Убѣдившись, что съ этой стороны нельзя ожидать никакой существенной поддержки, Аверкіевъ рѣшилъ продолжать дѣло на собственный страхъ и рискъ:

— Ну, хорошо, дѣвочка. Стало-быть, ты пришла съ тетей? Такъ и запишемъ. А потомъ тетя, навѣрно, хлопотала по своимъ дѣламъ, забыла, что взяла тебя съ собой, и, покончивъ съ дѣлами, ушла... Ты не огорчайся, дѣвочка. Это бываетъ. Вотъ мы сейчасъ дадимъ знать твоей тетѣ и все уладимъ. Главное, ты не огорчайся.

Ясные глаза опять поднялись къ лицу Аверкіева.

— Она, кажется, и не того... Молодецъ-дѣвочка!—забормоталъ Максимъ Петровичъ.— Да вы узнайте фамилію и адресъ и найдите извозчика. Только и всего.

— Самое простое! — подтвердилъ съ солидной почтительностью швейцаръ.—Дѣвочка уже большая и разумная. Должна знать.

Артельщикъ громко шваркнулъ носомъ:

— Тоже и тети какія бываютъ... Свое же дитѣ забыла, хвостотрепка!

Нѣсколько человѣкъ изъ очень спѣшившихъ сочли вопросъ исчерпаннымъ и отправились по домамъ.

— Обыкновенная исторія!—резюмировалъ кто-то.—Чего вы хотите? Въ большомъ городѣ...

Когда сгрудившаяся, охваченная однимъ и тѣмъ же интересомъ, толпа разсѣялась, Аверкіевъ вдругъ утратилъ всю свою увѣренность и подъ холоднымъ взглядомъ ребенка почувствовалъ себя совсѣмъ беспомощнымъ. Съ негодованіемъ возвратъ къ Максиму Петровичу, который тоже собрался-было уходить:

— Да погодите же... Нельзя такъ! Вѣдь это — живой человѣкъ, а вы относитесь такъ, словно кто-нибудь зонтикъ обронилъ.

И, когда Максимъ Петровичъ застылъ на мѣстѣ въ нѣсколько неопределѣленной позѣ, готовый все-таки при первой возможности раздѣлаться со всей этой исторіей и уйти, — Аверкіевъ плотно прижалъ больную щеку всей ладонью и возобновилъ разговоръ съ дѣвочкой:

— Такъ вотъ, мы, конечно, все устроимъ, моя милая. Только ты, пожалуйста, не огорчайся и не бойся. Тебя какъ зовутъ?

Дѣвочка сдѣлала легкое движеніе,—какъ-будто беззвучно, но глубоко вздохнула. И смотрѣла прямо въ лицо Аверкіеву всѣ тѣми же ясными глазами, такими чистыми, но въ то же время загадочно-глубокими.

— Екатериной меня зовутъ.—Кивнула головой въ подтвержденіе своихъ собственныхъ словъ.—Да, Екатериной.

— Такъ-съ! Опять запишемъ! — старался быть добрымъ и снисходительнымъ Аверкіевъ.— А фамилія? Ну, и улица, гдѣ твоя тетя живетъ? Ты вѣдь навѣрно уже грамотная. И фамилію и улицу,—все знаешь?

— Екатериной меня зовутъ! — настойчиво, но ровно повторилъ ребенокъ.

Тогда Аверкіевъ вытащилъ носовой платокъ, медленно расправилъ его, медленно высыпался и еще медленнѣе спрятать платокъ обратно въ карманъ. Подумалъ, отчетливо вырисовывая, словно выговаривая каждое слово своей мысли:

„Зубъ-то разболится не на шутку, пожалуй... И зачѣмъ было ввязываться? Дѣвочка чуднѣя какая-то. Глупая или какъ?“

Другое, внутреннее, безсловное сознаніе подсказывало:

„Нѣть, не глупая. Что-то другое.“

И это же сознаніе увѣряло еще настойчивѣе:

„А ввязался, конечно, напрасно. Ни къ чему.“

Городовой съ оранжевымъ шнуромъ наблюдалъ до сихъ поръ за всѣмъ происходящимъ спокойно и равнодушно. И лицо у него было такое приспособленное къ этому равнодушю, жесткое и желто-бурое, словно выдѣланное изъ жесткой подошвенной кожи. Это равнодушіе однако же особенно привлекало сейчасъ разстроеннаго Аверкіева. Справившись наконецъ съ платкомъ и все-таки не возстановивъ утраченного равновѣсія, онъ перевелъ своей взглѣдью со свѣтлого лица дѣвочки на оранжевый шнуръ и спросилъ неувѣренно:

— Какъ же теперь?

Городовой сразу же выяснилъ:

— Къ господину приставу—не иначе. Потому какъ они сами сейчасъ безпремѣнно въ участкѣ... Они озабочаются...

— Но какъ же это? — весь цѣликомъ огорчился и обмякъ Аверкіевъ.—Такую дѣвочку,—очевидно, изъ хорошаго дома,—и вдругъ въ участокъ! Тамъ у васъ грубость, грязь, пьяные... Мало ли чего насмотрится...

И уже безъ прежней, слегка приторной, ласковости, а очень настойчиво обратился къ ребенку:

— Но, милая... Вѣдь ты должна же знать... Ты большая уже. Лѣтъ восемь—девять навѣрно есть. Неужели ты даже фамиліи своей не помнишь? Или тетя эта самая... Гдѣ она живеть? Далѣко? Близко?

Допрашивая, Аверкіевъ даже слегка вспотѣлъ отъ страстнаго желанія получить отвѣтъ, вполнѣ соотвѣтствующій такому простому, въ сущности, случаю,—и, стало-быть, тоже простой и ясный. Максимъ Петровичъ нацѣлилъ ухо въ сторону дѣвочки. Даже городовой собралъ въ нѣсколько крупныхъ складокъ свое лицо, но дѣвочка, все такая же спокойная, въ ловко сидящей бѣлой шубкѣ и бѣлыхъ толстыхъ гамашахъ, попрежнему смотрѣла въ неопредѣленную далекую точку и отвѣтила чуть-чуть усталымъ, но не дрогнувшимъ голосомъ:

— Не знаю. Я ничего не знаю.

— Городовой правъ!—нетерпѣливо теребилъ себя за бороду Максимъ Петровичъ.—Тамъ, въ участкѣ, имѣются всѣ средства для того, чтобы добраться до истины, а здѣсь мы только даромъ теряемъ время. У меня въ пансіонѣ, напримѣръ, табль-д'отъ, я опаздаю къ обычному часу, а это непріятно. Дѣвочка или капризничаетъ, или... Ну, вообще тамъ... Если тетя дѣйствительно ее потеряла, то, конечно, прежде всего обратится къ полиції.

Швейцарь сочувственно брякнулъ медалями—и посовѣтовалъ-было городовому самому доставить дѣвочку, куда слѣдуетъ, но тотъ рѣшительно отказался: здѣсь, на лѣстницѣ, онъ все равно, что на посту, а постъ безъ смѣны оставлять не полагается. Мало ли что бываетъ. Можетъ-быть, экспропріаторы, напримѣръ, нарочно всю эту штуку подстроили, а потомъ отвѣчай...

— Сами бы вы и сѣѣздили, господа! Прекрасное будетъ дѣло. Потому, какъ вы лица почтенныя и ни въ чемъ не замѣчены... Вамъ господинъ приставъ полное уваженіе окажутъ.

— Я-то, собственно, домой!—уклончиво заговорилъ Максимъ Петровичъ.

Аверкіевъ ухватилъ его подъ локоть:

— Глупости! Щемите вмѣстѣ. А обѣдать у меня будете. У насъ дома сегодня отличная ветчина съ горошкомъ. И разговаривать нечего.

И вотъ всѣ трое—Максимъ Петровичъ, Аверкіевъ и дѣвочка—сидѣть въ тѣсныхъ извозчичихъ санкахъ, притянутые полостью, отороченной обѣзлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ. Двое взрослыхъ сидѣтъ совсѣмъ бокомъ; имъ очень неудобно, но они боятся стѣснить дѣвочку, которую Аверкіевъ придерживаетъ лѣвой рукой, чтобы она не выпала на какомъ-нибудь крутомъ поворотѣ.

До участка довольно далеко, минутъ двадцать щѣзы, но за первую половину дороги ни тотъ ни другой не раскрываютъ рта. И дѣвочка тоже молчитъ, защищая лицо отъ холоднаго вѣтра маленькой муфтой изъ бѣлаго барабашка. Аверкіеву странно, что она боится холода. Кажется, что она сама должна быть холодной, какъ ледъ. И рука, которой онъ придерживаетъ дѣвочку, очень зябнетъ со стороны ладони.

Максимъ Петровичъ пытается смотрѣть въ корень вещей.

— Ну, хорошо. Предположимъ, что полиція еще ничего неизѣтно... О потерѣ дѣвочки никто не заявлялъ... и даже не за-

явить, по крайней мѣрѣ—въ ближайшемъ будущемъ. Тогда какъ же? Неужели въ участкѣ ее оставить?

Аверкіевъ вдругъ обидѣлся:

— Глупости какія... Вѣчно вы болтаете чортъ знаетъ чтѣ... Какой тутъ можетъ быть разговоръ объ участкѣ?

— А все-таки?

— Ну, мало ли что тамъ будетъ... Во-первыхъ, ваше предположеніе... По моему мнѣнію, оно ни на чёмъ не основано, это предположеніе... А затѣмъ...

Рука зябла все сильнѣе. И все сильнѣе росло нелѣпое, безсмысленное желаніе отодвинуться дальше, еще дальше отъ этой холодной дѣвочки,—не прикасаться къ ней. Но въ то же время сохранилась и крѣпла разъ появившаяся нѣжность къ этому беспомощному и, можетъ-быть, намѣренно покинутому существу. Эту нѣжность хотѣлось сохранить и взлѣтѣть еще больше, а ненужное, нелѣпое смущеніе совсѣмъ отринуть, забыть о немъ.

— Въ участкѣ во всякомъ случаѣ она не останется, если даже ваше предположеніе справедливо,—чего, конечно, и быть не можетъ,—твердо выговорилъ Аверкіевъ и, поборовъ свою слабость, обнялъ тѣснѣе бѣлую шубку дѣвочки.—Въ участкѣ она не останется.

— А какъ же?

— Очень просто. Вы вѣдь знаете, что у насъ дома все осталось нетронутымъ послѣ Вѣрочки. Даже кроватка ея до сихъ поръ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Ну, и можно будетъ всѣмъ этимъ воспользоваться... на нѣсколько дней или недѣль даже...

— А еще отрицаете пользу благотворительности!—усмѣхнулся Максимъ Петровичъ, но сейчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо: — вы не рѣшайте такъ, съ кондачка. Надо бы обдумать серьезнѣе. Супруга ваша, конечно, ничего не будетъ имѣть противъ, но съ другой стороны... Знаете, мало ли какія могутъ получиться неожиданныя осложненія. Будущее невѣдомо, поскольку оно не открывается намъ всевѣдѣніемъ представителей потусторонняго міра...

Такъ они щѣхали въ участокъ и обсуждали судьбу найденной дѣвочки. Скрипъ половьевъ наполовину заглушалъ ихъ голоса, но все же дѣвочка должна была слышать, о чёмъ именно они говорили. Должна была, но не слышала. По крайней мѣрѣ, когда Аверкіевъ, нагнувшись, заглядывалъ въ ея лицо, закрытое до самыхъ глазъ барабашкой муфтой, онъ не могъ уловить въ этихъ глазахъ никакого отвѣнка интереса или даже простого вниманія.

Въ участокъ пріѣхали какъ разъ вѣ-время: приставъ уже надѣвалъ пальто, чтобы пойти домой, пообѣдать и хорошенъко выспаться передъ вечерними часами службы. Неожиданная задержка ему совсѣмъ не понравилась, и онъ хотѣлъ-было свалить все дѣло на помощника, но Аверкіевъ, вручившій приставу свою визитную карточку, запротестовалъ:

— Нѣть, ужъ вы будьте любезны сами. Дѣло очень серьезное.

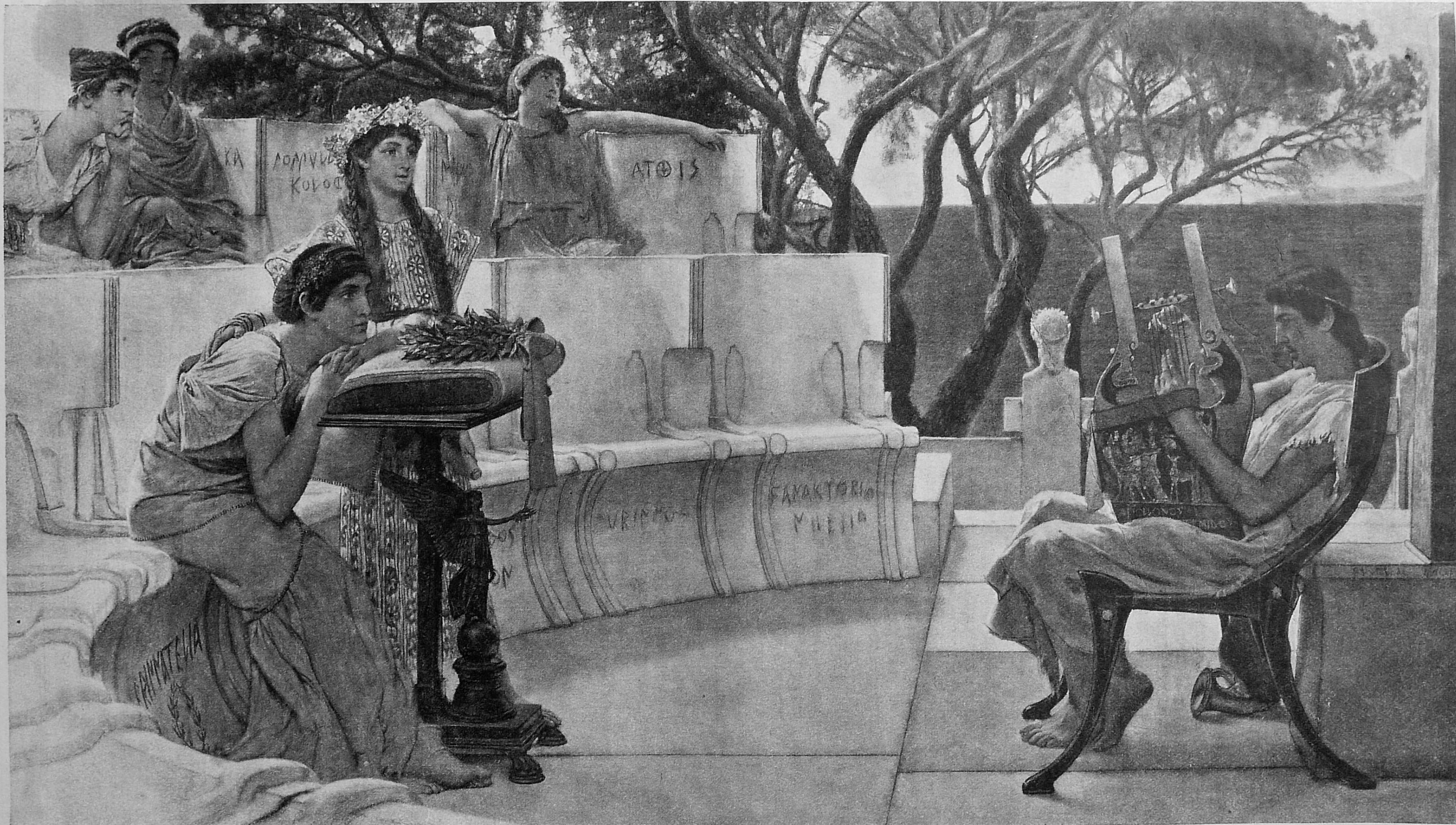
Съ чиновничьей методичностью изложилъ онъ приставу всѣ обстоятельства дѣла, а Максимъ Петровичъ въ особено важныхъ пунктахъ кивалъ головой и поддакивалъ. Приставъ нетерпѣливо мялъ въ рукахъ фуражку, а когда Аверкіевъ исчерпалъ свою тему до конца—сѣль, не снимая пальто, за столъ, вынулъ какой-то бланкъ съ печатнымъ заголовкомъ и приготовился писать.

Дѣвочку посадили на неуклюжій казенный стулъ, и ея бѣленькие ножки далеко не хватали до полу. Какою-то удивительно неумѣстной, пришедшой совсѣмъ изъ другого міра казалась она, чистенькая и бѣлая, въ пыльной и загаженной обстановкѣ участка. Даже видавшій всякие виды приставъ, видимо, почувствовалъ эту несообразность и вель свой допросъ вѣжливо и предупредительно.

Нового ничего не выяснилось. Зовутъ Екатериной—и только. Приставъ пожалъ плечами и положилъ перо:

— Ничего не могу сдѣлать въ данную минуту. Дѣвочка, очевидно, слишкомъ неразвита для своихъ лѣтъ, если только не молчитъ намѣренно. Бывали и такие случаи... Поступимъ, стало-быть, въ законномъ порядке, то-есть сдѣлаемъ публикаціи и передадимъ все производство въ сыскное... Тамъ ужъ разыщутъ. Со дна моря достанутъ эту самую тетушку.

— А дѣвочку... тоже въ сыскное? — нерѣшительно спросилъ Аверкіевъ.

Альма-Тадема. Сафо.

Альма-Тадема. Последняя египетская казнь.

— На первое время—разумеется. А оттуда, если дѣло затягивается—помѣстить въ пріютъ. Существуютъ такие при благотворительныхъ обществахъ. Сыта и одѣта будетъ, хотя, разумеется, по сравненію съ ея прежней несомнѣнной обезпеченностью...

Приставъ вяло тянуль слова и смотрѣлъ на своихъ посѣтителей припухшими и скучающими, но зоркими глазами старого полицейского.

У Максима Петровича, при всей его лояльности, чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ выросла и окрѣпла непріязнь ко всякой грубої казенщицѣ, отъ которой пахнетъ сѣрымъ сукномъ и кислыми щами, а въ особенности — къ полиції. Здѣсь, въ участкѣ, онъ положительно чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и вѣртѣлся на жесткомъ угловатомъ стулѣ еще нетерпѣливѣе пристава. То и дѣло поглядывалъ на своего сослуживца, но Аверкіевъ, обычно такой мягкой и податливой, сегодня сдѣлался необыкновенно настойчивъ и долго еще говорилъ, разспрашивалъ, звонилъ по телефону и заставлялъ звонить пристава.

Къ высказанному Аверкіевымъ намѣренію взять дѣвочку къ себѣ домой приставъ отнесся совершенно равнодушно:

— Чѣмъ жь, это можно. Какъ хотите... Даже можете сами въ сыскное не заѣзжать. Мы пошлемъ туда срочное отношеніе со всѣми подробностями... Только кое-что придется оформить...

— А вы бы подумали предварительно!—безъ всякой надежды на успѣхъ увѣщевалъ Максимъ Петровичъ. — Особено торопиться некуда. Можетъ-быть, сегодня же вечеромъ все разрѣшится самимъ благопріятнымъ образомъ... Переждите...

И самъ понемножку начиналъ убѣждаться, что Аверкіевъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ мистического флюида, и, слѣдовательно, обычная матеріальная воздѣйствія не должны привести ни къ какому результату. Съ оккультной точки зрѣнія это было даже пріятно, потому что подавало надежду на успѣхъ сеанса, посвященнаго прошлой и будущей судьбѣ загадочной дѣвочки.

Въ седьмомъ часу вечера, когда на улицахъ было уже темно, какъ ночью, два банковскихъ служащихъ сидѣли опять въ тѣсныхъ извозчичихъ санкахъ, и опять зябра у Аверкіева рука, которой онъ придерживалъ дѣвочку. Передъ этимъ пришлось-таки совершить цѣлуу кучу формальностей, внутренне лишнихъ и не-нужныхъ. У Аверкіева отобрали какія-то подписки, заставляли еще расписываться въ толстой шнуровой книжѣ и наконецъ вручили ему бѣлую дѣвочку вмѣстѣ съ официальнымъ документомъ, умѣстившимся на четвертушкѣ сѣроватой бумаги. Этотъ документикъ благосклонно разрѣшалъ дѣвочкѣ до поры до времени существовать на бѣломъ свѣтѣ безъ узаконенныхъ фамилій и званія, а съ однимъ только именемъ. И, лишь помѣстившись на извозчикѣ въ той же самой позѣ, какъ часа за два передъ этимъ, захлопотавшись до головной боли Аверкіевъ понялъ ясно, что онъ совершилъ сейчасъ что-то совсѣмъ неожиданное, рѣзко выходящее изъ рамокъ обыденной жизни и тревожное этой своей неожиданностью. Захотѣлось страстно, чтобы ничего этого не было, чтобы все исчезло, скрылось, какъ дурной сонъ,—но свѣтъ лѣгла въ отблескахъ фонарей бѣлая шубка дѣвочки, и зябра ладонь, осязательно и злобно подчеркивая дѣйствительность.

„И къ чему это?—съ тоской подумалъ Аверкіевъ.—Къ чему остановился на лѣстницѣ, когда могъ спокойно пройти мимо и ничего не узнать; къ чему заговорилъ съ дѣвочкой; къ чему вспомнилъ о Вѣрочкѣ и ослабѣлъ сердцемъ? Чѣмъ же теперь? Хорошо еще, если, напримѣръ, только до завтра. А если дольше, много дольше? На всю жизнь? Чѣмъ она такое и откуда? Почему молчать и смотрѣть такими прозрачными глазами, въ которыхъ ничего не прочесть?“

— Дѣти иногда бываютъ выдающимися медіумами!—глубоко-мысленно выговорилъ Максимъ Петровичъ, поднимая воротникъ пальто.—И дѣти, способныя быть медіумами, обычно отличаются нѣкоторыми странностями въ общемъ развитіи. Напримѣръ: временная утрата памяти или память только на мысли, а не на матеріальная явленія. Родители въ этомъ случаѣ тоже принадлежатъ къ исключительно матеріальнымъ явленіямъ.

— Бросьте! — досадливо отмахнулся свободной рукой Аверкіевъ. — Охота вамъ...

Максимъ Петровичъ посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ и сказалъ примирительно:

— Во всякомъ случаѣ я, по человѣчеству, вполнѣ сочувству-

вшему поступку. Если бы я имѣлъ семью, то, можетъ-быть, сдѣлалъ бы то же самое. Но, понимаете, старые холостяки... они всегда немножко побаиваются дѣтей. Да, да, побаиваются. Слишкомъ ужъ далеки мы отъ особой дѣтской психологіи, которую такъ легко постигаютъ родители. Кромѣ того, я убѣжденъ, что все это скоро разъяснится.

— Вы думаете?

— Приставъ знаетъ. Они — люди опытные. Говорить, что это далеко не первый случай.

Аверкіевъ повелъ плечами, какъ-будто хотѣлъ стряхнуть съ себя всю тяжесть тревожныхъ мыслей. Конечно, при желаніи можно внушить себѣ что угодно, но лучше всего — отбросить всякия догадки и предположенія и считаться только съ фактами, съ трезвыми фактами. Жену онъ предупредилъ по телефону. Она знаетъ, въ чёмъ дѣло, — и, конечно, относится ко всему этому именно такъ, какъ нужно.

Чтобы совсѣмъ успокоиться, Аверкіевъ на минуту отнялъ руку отъ бѣленъкой шубки и ласково похлопалъ сослуживца по сутуловой худощавой спинѣ.

— Ужъ вы, голубчикъ, не будьте въ претензіи, если обѣдъ окажется не совсѣмъ удачнымъ. Перестоялся навѣрное. Законьячкомъ я вѣсъ угощу хорошимъ. Такого и въ вашемъ потустороннемъ мірѣ не видывали. Закусимъ ветчиной, — за ветчину тоже ручаюсь, — а потомъ коньячку съ чернымъ кофе. Нравится?

II.

Жена у Аверкіева — невысокая, полная, всегда спокойная, съ бѣлой и пушистой, словно напудренной, кожей и русыми волосами. Имя у нея тоже мягкое и спокойное: Ульяна Мироновна.

Максиму Петровичу, который живетъ девятый годъ у строїй и сухой нѣмки, содержательницы маленькаго пансіона, Ульяна Мироновна всегда представляется какою-то особенно уютной и милой.

Въ квартирѣ у Аверкіевыхъ всегда свѣтло и чисто, — не показарменному чисто, а тоже какъ-то особенно, съ легонькимъ, располагающимъ къ сладкой лѣни, безпорядкомъ. Бѣдѣть здесь просто, но много и сътно, — не по-чиновничьи. Должно-быть, скажется купеческое происхожденіе хозяйки.

Сегодня вечеромъ, какъ и многіе десятки, даже сотни вечеровъ передъ этимъ, вся семья сидѣтъ въ гостиной. Хозяинъ играетъ съ Максимомъ Петровичемъ въ шахматы. Игроки медлительно и аккуратно передвигаютъ хорошенъкія фигуры изъ мамонтовой кости, подаренные три года тому назадъ самимъ Максимомъ Петровичемъ. А въ узкихъ хрустальныхъ рюмочкахъ искрится свѣтлой желтизной коньякъ.

Ульяна Мироновна какъ-будто ничего не дѣлаетъ, но въ то же время какъ-будто и занята. Иногда неслышными шагами исчезаетъ изъ гостиной, совсѣмъ о чёмъ-то съ прислугой въ дальнемъ концѣ квартиры. Потомъ возвращается такъ же неслышно, принимается за какое-то вязанье, которое слишкомъ давно начато, чтобы могло когда-нибудь окончиться. Свѣтъ электрической лампочки падаетъ косо на ея покрытую пушкомъ полную щеку.

Младшая дочь — теперь единственная, потому что осенью умерла Вѣрочка — устроилась на коврѣ со своими игрушками. Въ дѣтской ей скучно, потому что нянька — глухая и всегда спитъ.

Все, какъ всегда, — но въ уголкѣ широкаго дивана сидѣтъ, разматывая альбомъ съ открытками, новая бѣлая дѣвочка. Теперь она, впрочемъ, не совсѣмъ бѣлая, такъ какъ платье на ней голубое съ кружевами изъ сурої нити. Бѣлокурые длинные волосы заплетены въ двѣ аккуратныя косички, перевязанные голубой ленточкой. Сейчасъ она кажется немного старше, чѣмъ тогда, на улицѣ, въ бѣлой шубкѣ и шапочкѣ, — но все же больше девяти лѣтъ дать ей нельзя.

Аверкіевъ сдѣлалъ чернымъ матъ, — очень удачный, какого давно уже не бывало, — и, довольный, повернулся въ ту сторону, где сидѣла жена.

— Здорово я его срѣзалъ, Уличка! По всѣмъ правиламъ.

— Будто? Хвастунъ ты. Максимъ Петровичъ лучше тебя играетъ. Вотъ онъ двѣ задачи изъ журнала сразу же рѣшилъ, а ты цѣлую недѣлю бился.

— Чѣмъ же задачи... Я не отрицаю. Для задачъ нужна особая

способность. А сейчас—не хвастовство, но фактъ. Положилъ на обѣ лопатки.

Аверкіевъ посмотрѣлъ еще немножко лѣвѣ и тамъ, за столикомъ, накрытымъ вышитой красной скатертью, увидѣлъ голубое пятно,—такое тихое-тихое. Только шелестятъ чуть слышно листы альбома.

— Олюша, ты бы поиграла съ новой дѣвочкой. Ей скучно.

Давно ужъ конченъ запоздавшій обѣдъ, и подходитъ къ концу ранній дѣтскій вечеръ, а ничего не прибавилось нового за эти часы. Ничего нового, кромѣ черточки, которая еще болѣе затемняется: дѣвочка ни о чёмъ не спрашивается. За обѣдомъ онаѣла съ обычнымъ аппетитомъ здороваго ребенка. Встала изъ-за стола и не поблагодарила. Кажется, все, чтѣдѣлаются для нея, она принимаетъ только, какъ должное. И никакой грусти, никакого волненія въ прозрачныхъ глазахъ. Словно у нея не было и нѣть никакого прошлаго. Такими были бы всѣ люди въ первые дни своей жизни, если бы они приходили въ свѣтъ сознательными существами, а не жалкимъ комочкомъ теплого мяса. Но какъ знать? Можетъ-быть, эта кажущаяся пустота, эта обманчивая прозрачность неситъ въ себѣ загадку, неразрѣшимую и темную.

Вотъ была же еще совсѣмъ недавно своя дочь, — Вѣрочка, почти тѣхъ же лѣтъ, того же роста, того же сложенія. И, бывало, сидѣла въ этомъ же уголкѣ широкаго дивана, и такъ же шуршила, какъ сейчасъ, подъ ея пальцами листки альбома. Но тогда все было такъ ясно и просто, и, казалось, нѣть такого излома, такой линіи въ дѣтской душѣ, которая не была бы вѣдома и понята вся цѣликомъ, отъ начала до конца. И оттого, что такъ просты и знакомы были всѣ близкія души, всегда представлялась простой и ясной и сама жизнь.

— Олюша!—сказалъ еще разъ Аверкіевъ и покачалъ головой.—Дѣвочкѣ скучно.

Онъ почему-то избѣгалъ до сихъ поръ называть новую дѣвочку по имени. Даже когда говорилъ съ нею, то старался, по возможности, выражаться въ третьемъ лицѣ.

Олюша сама была не прочь пріобрѣсти себѣ товарища для игръ и послушно подошла къ новой дѣвочкѣ. Новая дѣвочка опустила альбомъ на колѣни и ждала:

— Ты въ бумажныя куклы любишь играть?

Новая дѣвочка немного подумала, потомъ отвѣтила разсудительно и отчетливо:

— Не знаю. Я не знаю, что это такое.

— Ну, какъ же не знаешь? Это такія же куклы, только плоскія, потому что бумажныя. Сяди на нихъ смотрѣть нельзя, но зато можно одѣвать и раздѣвать. И можно дѣлать изъ нихъ сказки. И театръ тоже можно. Будешь?

— Хорошо. Только я не знаю, что это такое.

Голубое платьице съ супровыми кружевами соскользнуло съ дивана, неспѣшило пробралось въ тотъ уголъ гостиной, гдѣ разложила свои игрушки Олюша. Аверкіевъ отвелъ глаза отъ этого угла и, насильно раздвигая губы для улыбки, предложилъ гостю:

— Еще партію? На реваншъ?

Максимъ Петровичъ отказался:

— Нѣть ужъ, знаете. Чувствую, что не въ ударѣ. Мои умственныя силы сегодня разсѣяны и не могутъ сосредоточиться въ одномъ фокусѣ. Лучше такъ себѣ побесѣдуемъ понемножку. Да скоро и домой пора. Я что-то утомился, знаете..

Ульяна Мироновна улыбнулась привѣтливо и неподдѣльно:

— Мы вамъ очень благодарны за участіе.

— Какое же тамъ участіе? Совершенно пассивное... И кромѣ того...—Замялся, не зная, продолжать ли дальше, но заговорилъ опять, понизивъ голосъ до неразборчиваго полушопота:—Я нѣсколько встревоженъ всѣмъ совершившимся, потому что все время осознаю враждебные флюиды. Чтѣ? Не вѣрите флюидамъ? Хорошо. Для меня—флюиды, для васъ—нѣчто иное по наименованію, но не по психической сущности. Все равно, вторгаясь насилиственно въ чужую индивидуальность, человѣкъ подвергается многимъ и неожиданнымъ опасностямъ. Вотъ сейчасъ уже вечеръ, и сегодня, конечно, ничего не будетъ. Такъ?

— Да... Теперь чтѣ же...—разсѣянно подтвердилъ Аверкіевъ.

— И вотъ, видите, петля стягивается тѣснѣе, и уголъ вашихъ разсужденій мѣняется. Если сегодня—ничего, то почему завтра—все или даже что-нибудь?

Ульяна Мироновна не совсѣмъ хорошо понимала искусственно-сложную рѣчъ гостя и, схватывая только общую суть его разсужденій, отвѣтила убѣжденно:

— Мало ли что могло задержать? Безпокоиться не о чёмъ. Вы всегда очень ужъ умничаете, а случай-то самый простой и во всякомъ большомъ городѣ чуть не каждый день бываетъ. И мужа я вполнѣ одобряю. Если ужъ привель Богъ перенести намъ обоимъ большое горе, такъ и къ чужой бѣдѣ мы должны относиться похристіански.

— Да и христіанство тутъ ни при чёмъ! — обрадованно поддержалъ Аверкіевъ.—Простое человѣческое чувство.

Олюша шла изъ своего угла недовольная:

— Мама, она не играетъ.

— Чѣмъ такое, дѣвочка?

— Она не играетъ. Все думаетъ, а ни играетъ. Я ей говорю, что на Тамару надо обязательно надѣть желтую юбку и розовое платье, а она не слушаетъ.

— Вѣдь она старше тебя, дѣвочка. Можетъ-быть, ей неинтересно... А спать тебѣ не пора?

Максимъ Петровичъ щелкнулъ пружинкой своихъ старинныхъ серебряныхъ часовъ съ какими-то загадочными изображеніями на крышкѣ. Часы, онъ говорилъ, были мистическіе, принадлежали когда-то самому великому Розенкрайзеру и имѣли теперь совершенно неописуемую цѣнность. Ходили они, впрочемъ, довольно удовлетворительно и показывали сейчасъ своими толстыми стальными стрѣлками съ золотыми звѣздочками на концахъ ровно безъ четверти девять.

Ульяна Мироновна погладила дочь по всклоченной головкѣ, поправила сбившійся на сторону бантикъ:

— Видишь—пора. Пока молока напьешься, пока умоишься и зубы вычистишь—будетъ ровно девять. Вонъ у тебя уже глазки покраснѣли.

Голубая дѣвочка стояла въ томъ углу, куда привела ее Олюша, и разсѣянно мила въ рукахъ бумажную куклу. А прозрачные глаза смотрѣли мимо игрушекъ, мимо всей комнаты во что-то неопределенно-далекое, какъ было и тамъ, въ вестибюльѣ банка. И, чтобы не встрѣчаться съ этимъ взглядомъ, Аверкіевъ взялъ въ руки рѣзную шахматную фигуру, разматривалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Повертьвъ въ пальцахъ костянную королеву, передалъ ее Максиму Петровичу:

— Эта жалость: трещина появилась на кости. Видите, вотъ тутъ,—черненькая. Должно-быть, упала когда-нибудь, а я и не замѣтилъ.

Максимъ Петровичъ тоже осмотрѣлъ фигурку и успокоилъ:

— Пустяки, поверхностная царапинка. Это и съ самого началась такъ было.

И обоимъ сдѣлалось неловко отъ сознанія нелѣпой и немножко рабской трусости передъ открывшимся новымъ кусочкомъ жизни. Чтобы загладить эту неловкость, Аверкіевъ сказалъ съ преувеличенній развязностью:

— Дѣвочкѣ... Катѣ... Да, Катѣ тоже пора спать. Она на вѣрное очень утомилась сегодня.

Ульяна Мироновна отстранила дочь, подошла къ новой дѣвочкѣ:

— Хочешь спать, милая?

— Это нужно?

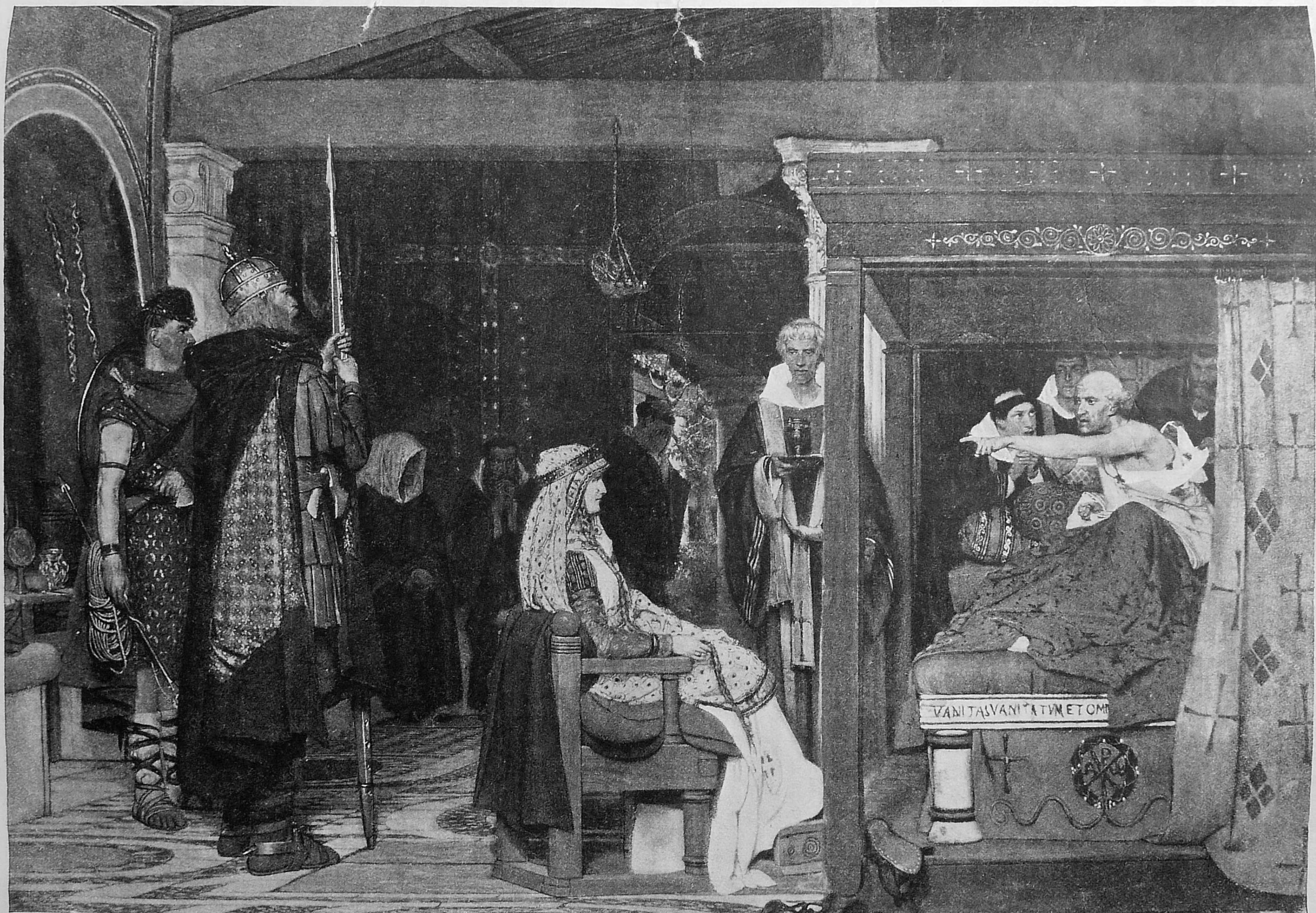
— Да, конечно. Вѣдь ты же устала, и вообще тебѣ еще рано ложиться спать въ одно время со взрослыми.

— Хорошо.

— Пойдемъ, я покажу тебѣ твою кроватку. Поужинайте, а потомъ идите умываться вмѣстѣ съ Олюшой. Она покажетъ тебѣ все, что нужно.

Гость и хозяинъ остались вдвоемъ. Заговорили-было о какихъ-то служебныхъ дѣлахъ, о новомъ управляющемъ, который собирается завести большія реформы и ходатайствовать обѣ измѣненій устава, — но слова выходили нудныя и тяжелыя, не вязались одно съ другимъ, а мертвѣ падали въ пустоту равнодушія. Замолчали, потому что достаточно знали другъ друга и не считали себя обязанными во что бы то ни стало разматывать безконечную нить бесѣды.

Въ пепельницѣ дымилась незатушенная папироса. Желто-сій дымъ поднимался высокой и тонкой струйкой въ неподвижномъ воздухѣ тепло натопленной комнаты, медленно и лѣниво скольз-

Альма-Тадема. Фредегонда.

зиль, поднявшись, къ дверямъ прихожей. Подъ танталовой лампочкой блестѣлъ чисто протертымъ бемскимъ стекломъ портретъ родителей Аверкіева, — увеличенная фотографія, чуть тронутая акварелью. Отецъ — въ чиновничемъ мундирѣ, съ указательнымъ пальцемъ, заложеннымъ между двумя блестящими пуговицами. Мать — въ старинномъ платьѣ съ косынкой на плечахъ и съ кружевной наколкой на гладко причесанной сѣдой головѣ. Оба — прямые и твердые и довольные тѣмъ, что, позируя передъ стекляннымъ глазомъ аппарата,увѣковѣчиваются для потомства свои лица, пуговицы, ордена и косынки. Портретъ, очень похожій на этотъ, но обыкновенного кабинетного формата, вставленъ въ семейный альбомъ, — и на немъ изображены уже самъ Аверкіевъ и Ульяна Мироновна. Когда вырастетъ Олюша, она тоже отдастъ его увеличить и вставитъ въ раму подъ бемское стекло. И гдѣ-нибудь, въ другой, не похожей на эту, комнатѣ, желто-синій дымъ незагашенной папиросы будетъ ползти лѣниво мимо портрета отъ стола къ прихожей.

— Странно! — выговорилъ Аверкіевъ.

Чтѣ?

— Да самъ не знаю — чтѣ. Все, можетъ-быть. Когда не думаешь, когда видишь и осозаешь только звуки, краски, слова и движенія — тогда все просто, ничего нѣть страннаго. И рождаться просто и умирать просто. Вотъ Вѣрочка умерла нелѣпо, безумно, — но тоже просто. А когда думаешь, то все дѣлается инымъ. Тогда — странно.

— Это только пока вы не оформили вашу мысль въ систему, не привели ее къ единому познанію. Хотя, конечно, ни одинъ смертный не можетъ даже приблизиться къ извѣстной загадкѣ. А вы все о дѣвочкѣ?

— Да. Изъ сыскного дѣйствительно никакихъ извѣстій. Обѣщали сейчасъ же увѣдомить. Я думаю теперь, что ее и въ самомъ дѣлѣ оставили, бросили намѣренno. А ей самой внушили Богъ знаетъ какими средствами, чтобы она молчала. Понимаете? Ни тоски, ни сожалѣнія, ни жалобъ. Только молчаніе. Этотъ ребенокъ, несчастный ребенокъ, пережилъ — и сейчасъ переживаетъ — какую-то драму.

— Найдите ключи къ сердцу.

— Къ сердцу? Глаза, говорятъ, окна души. Поэты такъ увѣряютъ, читаль я гдѣ-то. А у ней — что? Вотъ если бы она заплакала, какъ настоящій ребенокъ, или капризничала просто — какъ бы легко стало

— Настоящій? А вы думаете...

— Думаю. Только оболочка ребенка, только видѣть, только вѣшность.

И, положивъ руку на костлявое колѣно Максима Петровича, заговорилъ торопясь:

— Вы не думайте, что это — уже раскаяніе. Я даже радъ. Честное слово, радъ, что это не такъ просто, какъ я думалъ сначала. Пусть это будетъ крестомъ на насъ обоихъ. Можетъ-быть, мы должны искупить что-нибудь, а? Чтобы не было больше такого страданія, какъ тогда, съ покойной Вѣрочкой?

— Искупить? — машинально повторилъ Максимъ Петровичъ. Опять вытащилъ изъ кармана часы, но только повернулъ ихъ на ладони и спряталъ, не раскрывая. — Да. А вы вѣдь въ Христа не вѣрюете.

— Все равно. Ни при чемъ тутъ.

Папироса давно дотлѣла до конца и погасла, а дымъ еще держался въ воздухѣ: послѣдніе, прозрачные клочья скользили передъ портретомъ. И Аверкіеву думалось, что это — мысли, такія тяжелыя, такія острыя, что, родившись, сдѣлались почти осозаемыми. Можетъ-быть, правъ и Максимъ Петровичъ съ его дѣхами и воплощеніями. Ничего нѣть простого. Все сложно и загадочно.

Слышно, какъ въ столовой звенитъ посуда, — накрываютъ ужинать, какъ жалуется кухарка, что въ лавѣ опять начали подмѣщивать въ молоко какую-то дрянь: не то мѣль, не то известку. Потомъ пришли дѣти, уже умывшіяся на ночь, съ намокшими прядками волосъ на лбу и на вискахъ.

Сначала Олюша:

— Покойной ночи, дядя Макся. Покойной ночи, папуля.

Аверкіевъ обнялъ дѣвочку, вдыхая запахъ влажной и чистой дѣтской кожи и яичного мыла. Такое это было родное: и запахи, и лепеть, и объятія. Захотѣлось остатся такъ долго, долго.

— Ой, папуля, больно! Смотри: пуговицей прямо въ щеку.

Новая дѣвочка терпѣливо дождалась своей очереди. Сказала обоимъ, хозяину и гостю, слегка наклоняя голову:

— Покойной ночи.

Уложивъ дѣтей, беззвучно выплыла въ гостиную Ульяна Мироновна. Бѣлыми, немножко черезчуръ уже пухлыми пальцами взялась за вязанье, которое никогда не будетъ кончено. И все размѣстилось, какъ должно, убѣжали послѣдніе дымные клочья, твердо и удовлетворенно смотрѣла чиновная чета сквозь бемское стекло. Максимъ Петровичъ благодарно посмотрѣлъ на хозяйку:

— Все то вы хлопочете, ходите... А безъ васъ скучно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Синіе Острова.

Тайновидица Ночь приникаетъ ко мнѣ,
И во снѣ отдаюсь пѣвучей волнѣ.

Въ безбрежномъ сіяніи несусь и тону...
И я приплываю въ далекую страну,
Въ обитель зари, на воздушные острова
Изъ пѣнъ весеннихъ облаковъ,
Гдѣ лазурно синѣтъ листва
Голубыхъ кипарисовъ и дубовъ
И дрожитъ голубая трава.

Я смотрю — и неясному шороху внимлю:
Тамъ медленно движутся въ сапфирномъ свѣтѣ
Люди, покинувшіе землю:
Бѣлые старцы и бѣлые дѣти,
Невѣсты въ цвѣтахъ подвѣнечныхъ,
Легкіе отроки въ одеждахъ млечныхъ,
Угѣшенные страдальцы, получившіе отвѣтъ,
Радостные слѣпцы, узрѣвшіе свѣтъ,
Отдохнувшіе труженики, скрестившіе руки,
И влюбленные, послѣ долгой разлуки,
Въ нѣжномъ объятіи прильнувшіе грудь къ груди...

Медленно движутся умершіе люди
Въ синихъ лучахъ,
Отдыхая и качаясь на большихъ цвѣтахъ,
На туманныхъ цвѣтахъ съ высокими стеблями.
И рѣютъ надъ ними въ тишинѣ голубой,
Зажигаясь ледяными огоньками,
Снѣжныя звѣзды, — звѣзды за звѣздой, —

Въ красотѣ свѣтозарной и печально-сuroвой;
И падаютъ на бѣлые лики и покровы,
И вѣнчаютъ чело и волосы мертвыхъ...
Словно кружится рой неживыхъ мотыльковъ
Надъ гладью долинъ бездыханно-распростертыхъ,—
Смутный рой неживыхъ мотыльковъ.

Возлѣ бѣлыхъ людей я тихо иду
Лучистой тропинкой
И, смѣясь, ловлю пушистую звѣзду, —
Но она въ рукѣ моей таетъ росинкой.
Я хочу прилечь на большой цвѣтокъ
Межъ синихъ травъ, —
Но туманный стебель поникъ, задрожавъ,
И беззвучно опалъ лепестокъ...

Я вижу качаніе мертвыхъ головъ
И смятенные шелести, вздохи пробѣгаютъ:
„Тяжела, тяжѣла для нашихъ цвѣтовъ!
И такъ горяча, что звѣзды таютъ, —
Снѣжныя звѣзды, блеснувъ на ней, таютъ!“

И я отвѣчаю милымъ тѣнямъ:
„Не открывайте мнѣ ваши объятья,
Милые, милые сестры и братя, —
Я возвращаюсь къ инымъ берегамъ.
Скорби земная еще со мной,
Вы бѣлѣ, чѣмъ пѣна, я — въ сумракѣ одѣта...
И я не могу пройти по лучу свѣта:
Онъ потухаетъ подъ мою ногой!..“

М. Пожарова.

АПОЛЛОНЪ ФЕЛЬВЕДЕРСКІЙ.

Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

(Продолженіе).

IX.

Золотницкій не остался обѣдать въ Вертищевѣ. Крѣпко ужъ раздосадовалъ его Алексѣй Алексѣевичъ своимъ упрямствомъ.

— Ну, хорошо же, коли такъ! — грозился Вертищевъ. — Ты мнѣ спину воротишь, погоди же!

— Посуловъ вашихъ, Алексѣй Алексѣевичъ, я не боюсь, псарай — тоже! А не останусь обѣдать потому, что обиженья на васъ въ сурьезъ. Пообѣщался въ Гремячѣ дѣлать, а выйтѣть одно хвастовство. Передъ людьми стыдно.

— Это передъ полячишкой-то? Нашель! Брось, Золотницкій...

Но Золотницкій не „бросилъ“. Онъ уѣхалъ въ Гремячѣ. Уѣхалъ съ такимъ видомъ, что Сигизмундъ Феликовичъ съ первого же взгляда прочелъ все:

— Не удавалось уговаривать этого азіата...

Иванъ Григорьевичъ махнулъ рукой:

— Будь онъ неладенъ. Ни дна ему ни покрышки. Опротивѣль онъ мнѣ!.. Ужъ я и такъ и этакъ уламывалъ. Ни съ мѣста. Какъ быкъ, уперся. И впрямь быкъ. А вы съ княземъ для него — замѣсто платка краснаго. Имя услышить — глаза наливаются. Это все и подгадило... Кабы другому кому — сейчасъ же продалъ бы за милую душу...

Сигизмундъ Феликовичъ повторялъ:

— На милость Бога. Развѣ жъ я зналъ, что это есть такой мстительный бѣдлякъ?

— Человѣчекъ! Въ могилку живымъ опустить — ей-Богу не жалко!..

— Ну, чѣмъ же теперь дѣлать, пане Золотницкій? Написать листъ до князя?..

— Отчего не написать. Но поможеть ли?.. Князь большой человѣкъ, а здѣсь и у него руки коротки.

— Но если Пѣтуховъ кончаетъ академію, тогда можно будетъ просить государя императора?

— А вы думаете, Вертищевъ дастъ теперь ему окончить? — усмѣхнулся Золотницкій. — Живѣемъ слопаетъ! Вамъ же на зло...

Погоржельскій упалъ духомъ:

— Такъ что мы хотѣли сдѣлать хорошо, а вышло еще горшее...

— Обязательно хуже. Чтобы только вамъ досадить, будетъ онъ надѣять величаться да кочевряжиться!

Золотницкій уѣхалъ въ городъ, а Сигизмундъ Феликовичъ остался въ раздумьѣ: чѣмъ дѣлать?.. Какъ помочь горю?.. Золотницкій правъ. Теперь азіатъ въ самомъ дѣлѣ готовъ живѣемъ слопать бѣднаго...

Планы одинъ другого смѣлѣе и несбыточнѣе проносились у Погоржельскаго. То мчится онъ въ Петербургъ и, упавъ къ ногамъ великодушнаго государя, вымаливаетъ Пѣтухову отпускную. То устраиваетъ художнику побѣгъ, и онъ спасается за границу. То Вертищевъ умираетъ внезапно послѣ одного изъ своихъ кутежей — и все мѣняется по-другому...

Секундъ-майоръ, узнавъ про неудачные переговоры Золотницкаго, долго жевалъ губами:

— Не хорошо-съ... Это не по-дворянски, не хорошо-съ. Честь и слава Антону Макаровичу, что, выйдя изъ низкаго сословія, сумѣлъ пробить талантъ своимъ дорогу. Такимъ людямъ всяческую протекцію оказывать надо бы. Да-съ. Обида большая. И такъ они съ Аполлономъ сдружились. Онъ ему уроки художества преподавалъ. А теперь, изволите ли видѣть, и носъ показать свой не смѣеть...

Аполлонъ успѣлъ сильно привязаться къ художнику. А зная впечатлительность своего питомца, и Амфилохій и Анастасія Тимоѳеевичъ какъ могли мягче и осторожнѣе ознакомили его съ ходомъ событий:

— У Антона Макаровича спѣшная работа, которую онъ занять по горло. Онъ цѣлый мѣсяцъ, а то и больше, не покажется въ Гремячѣ.

Но мальчика провести было трудно:

— Я все знаю. Это нарочно. Вертищевъ не любить насть. Онъ не пустить къ намъ Антона Макаровича. Я его никогда не увижу. Онъ злой и подлый человѣкъ, этотъ Вертищевъ.

Мальчикъ долго и неутѣшно плакалъ.

Предчувствіе Аполлона почти сбылось. Своего учителя и друга онъ больше такъ и не видѣлъ.

На утро Алексѣй Алексѣевичъ вспомнилъ:

— Пѣтухова ко мнѣ!

Явился Пѣтуховъ.

— Ну, чѣмъ же портретъ мой?

— Все готово, ваша милость. Холстъ натянутъ.

— Коли готово, тащи сюда...

Артистъ заглушилъ въ Пѣтуховѣ ощущеніе страха. Всю ночь обдумывалъ онъ портретъ своего господина. И все больше и больше видѣлъ въ немъ натурщика любопытнѣшаго. Написать его во всю фигуру, полулежащимъ на диванѣ съ трубкой. А у ногъ, скрючившися пестрымъ комочкомъ, сидѣть рыбой, головастый Мирошка. Это ужъ будетъ цѣлая картина. Пѣтуховъ меч-

талъ, какъ черезъ десятки лѣтъ она явится историческимъ документомъ. Въ особенности къ тому времени, когда и само рабство, — а вѣдь настанетъ же этотъ день, — отойдетъ въ область исторіи.

— Ну, и машина же, — воскликнулъ Алексѣй Алексѣевичъ, увидѣвъ крупныхъ размѣровъ квадратный холстъ. — Чѣмъ это, цѣлый полкъ списывать собираешься?

— Осмѣлюсь доложить вашей милости, — началъ художникъ: — я хотѣлъ бы, чтобы портретъ сей и по композиціи и по колорамъ былъ достойнымъ произведеніемъ. У ногъ вашихъ я хотѣлъ бы посадить Мирона, какъ фигуру, чрезвычайно контрастную...

Вертищевъ вскипѣлъ.

— Да какъ ты смѣешь: „хочу, хотѣлъ бы“. Да смѣешь ли ты хотѣть?.. Мразъ!.. Меня спрашивайся, хочу ли я писаться вмѣстѣ съ Мирошкой? Туда же. Контрастная фигура... Голову мою можешь писать. Ну, тамъ, еще плечей захвати...

У Пѣтухова опустились руки. Мгновенно пропалъ весь художественный интересъ. Задуманный такъ широко живописный портретъ сводился къ этюду головы съ мясистымъ краснымъ лицомъ и заплывшими глазками.

Но дѣлать нечего, — принесъ другой холстъ, поменьше.

День стоялъ жаркій. Алексѣя Алексѣевича разморило, и онъ позировалъ нехотя и сонно. Мирошка, съ вѣчными своими прибаутками, отгонялъ отъ Вертищева мухъ березовой вѣткой.

Художникъ прорисовалъ голову заостреннымъ углемъ и перешелъ на краски. Не успѣлъ онъ бросить на холстъ и нѣсколькоихъ мазковъ, Алексѣй Алексѣевичъ заторопилъ его:

— А ну, покажи, покажи, чѣмъ у тебя сдѣлано!

Пѣтуховъ съ неудовольствіемъ показалъ, — не перечить же господской волѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ фыркнулъ:

— Еще у тебя до сихъ поръ ничего нѣтъ... Какой же ты художникъ?..

— Ваша милость нетерпѣливы. Искусство живописи требуетъ времени.

— Чего тамъ. Коли ты хороший живописецъ, у тебя живо должно выходить. А ты и впрямъ, видно, маляръ.

Пѣтуховъ молчалъ блѣдны. Только кисть дрожала въ его рукахъ.

Мирошка согналъ цѣлую кучу жужжащихъ черныхъ муихъ, облюбовавшихъ закапанное вареньемъ мѣстечко на широкой груди вертищевскаго халата:

— Разъ, два — только бабы тѣсто мѣсять.

— Брысь отъ меня, кробъ горбатый, — замахнулъ чубукомъ Алексѣй Алексѣевичъ и, обращаясь къ Пѣтухову: — Ну, будешь. Все равно ни чорта не выйдетъ. Придѣть охота — завтра посыжу. А сейчасъ проваливай. Навонялъ здѣсь своими красками.

Но на завтра Алексѣй Алексѣевичъ выдумалъ Пѣтухову совсѣмъ другую работу. Вѣстникъ былъ все тотъ же Миронъ:

— Ну, братъ, Антонъ, опала на тебя.

Пѣтуховъ смотрѣлъ на горбuna мутными, заплаканными глазами. Весь онъ былъ постарѣвшій и желтый. Въ два дня сгинулъ свѣжій румянецъ щекъ. Теперь онъ былъ ко всему готовъ. Однакоже Мирошкины слова заставили его отшатнуться:

— Домъ господской выбѣлить надо. Такъ вотъ „самъ“ рѣшилъ, что ты по этой части первый искусствникъ...

Пѣтуховъ вскочилъ со сжатыми кулаками. Загорѣлись глаза:

— Не пойду, не стану. Можно ли горшее глумленіе изобразити? Миронъ, гдѣ же правда на землѣ? Скажи! — съ болью и мѣкой спрашивалъ онъ.

— Эхъ, хватился. Одна была на свѣтѣ правда — и ту свинья сѣла. А ты смирись. По-хорошему совсѣтую. Смирись. Хуже будетъ. У него расправа короткая. Вѣдь ему только бы свою фантазію оправдать. Вотъ, моль, такой-сякой, немазанный. Кучу денегъ за него, уйму давали, а онъ у меня стѣны ваплеть. Плюнь, Антоша. Ну, сюртучокъ питерскій придется снять, эка важность. Покорись... Возьмешь квачъ, тамъ ткнешь, тамъ мазнешь, — глядь, блахъ съ него сойдеть, и опять за свое настоящее ремесло возвращаешься.

— Не могу я, Миронъ, не могу. Душу мою въ грязь топчутъ. Глумятся надъ Божьимъ даромъ, который отпущенъ мнѣ.

— А коли всыпать велѣть...

— Пускай, Миронъ. Теперь мнѣ все едино. Хуже не будетъ, — чужимъ-то измученнымъ, голосомъ отвѣчалъ Пѣтуховъ. — Душу засѣкъ онъ мнѣ до смерти... Чего теперь тужить о тѣлѣ? Пускай и его туда. Топтать въ болото, такъ и все заодно ужъ. И душу и тѣло. Ихъ вѣдь не отдѣлишь одно отъ другого. Миронъ...

— Чуднѣ это у тебя выходить, — сдвинулъ плечами горбунъ. — А ты не мудрствуй. Охота самого себя поѣдомъ єсть. Пущай насыпь другое єдятъ. И такъ премного довольны. Эхъ, маляръ, маляръ. Ндравятся мнѣ и ликъ твой и взглядъ... А хороший ты парень. Много у меня злости, паука горбатаго. А вотъ къ тебѣ лежить сердце. Лежить. А почему? Отъ Бога отмѣченъ. Думаешь,

не понимаю? Какъ ты хотѣлъ меня вмѣстѣ съ нимъ списать, тамъ ужъ у тебя въ головѣ по-своему складывалось, какъ бы попышнѣй... Ну, пойдемъ, Антоша. Такъ, для виду только. Мазнешь разокъ-другой...

Пѣтуховъ не двигался. Наружу спокойный, тяжелый, какъ бы сочный даже. А тревога большая, холодная и неумолимая, словно судьба росла въ немъ, заполоняя все цѣликомъ.

Миронъ тронулъ его за руку:

— Ну...

Художникъ смотрѣлъ на него, какъ бы не узнавая. Горбунъ понялъ:

— Тебя силкомъ не вытащишь. Нашло. Алексѣичъ глубоко втыкаетъ занозы. Съ мясомъ не выдернешь. Ну, крѣпъ тебя Боже...

И громадная, вдавленная межъ широкихъ плечъ, голова оглянулась разокъ-другой. Пѣтуховъ ничего не видѣлъ, въ себя ушелъ. А Миронъ медленно-медленно брѣлъ къ господскому дому, задерживаясь, топчась на одномъ мѣстѣ. И хотѣлъ бы онъ, чтобы это разстояніе было безъ конца краю.

X.

Золотницкому шелъ сорокъ третій годъ. Цыганская жизнь то впроголодь у себя въ Суражѣ, то пьяная, безшабашная, когда онъ недѣлями гостили въ Вертищевѣ, — опостылѣла ему. Кромѣ того, со дня, какъ онъ торговалъ у Алексѣя Алексѣевича его живописца, „азіатъ“ сдѣлался противѣнъ ему до крайности. Ноги его больше не будуть въ Вертищевѣ. И отсохни рука, если онъ возьметъ у Алексѣя Алексѣевича подачку.

Думалъ-думалъ Иванъ Григорьевичъ, какъ быть. И рѣшилъ обратиться къ Сигизмунду Феликовичу, — не найдеть ли онъ въ Гремячѣ для него мѣстечка. Правда, безземельный дворянинъ — у самого ни кола ни двора — Золотницкій дурной вѣдалъ толкъ въ хозяйствѣ. Но у него былъ поважнѣе козырь — его страшная сила. Шубы изъ нея не сошьешь, но въ данномъ случаѣ она можетъ вѣсма и вѣсма пригодиться.

Золотницкій не ошибся. Съ первыхъ же словъ Сигизмундъ Феликовичъ сказалъ ему:

— То хорошо, что вы пріѣхали. Я самъ думалъ за васъ. Мне аккуратъ сейчасъ нуженъ помощникъ.

Искрененъ былъ Сигизмундъ Феликовичъ только наполовину. Въ самомъ дѣлѣ онъ подумывалъ о помощнике. На Золотницкому же, котораго онъ считалъ человѣкомъ пустымъ и еще того хуже, Погоржельскій не останавливался въ своихъ мысляхъ. Теперь же, когда самъ Золотницкій явился просителемъ, у него мелькнуло:

„А вѣдь хорошо имѣть въ усадьбѣ такую цѣпную собаку. Собаку, внушающую страхъ даже такимъ, какъ Вертищевъ...“ Конечно, Сигизмундъ Феликовичъ зналъ, — это разбѣжалось по всей губерніи, — про кулачный поединокъ Золотницкаго съ великаниемъ Мишай.

Говоря короче, Золотницкій на другой же день перѣѣхалъ въ Гремячѣ. А это при скучности его худобишки затрудненіями не сопровождалось. Привезъ онъ съ собою персидское сѣдло, давнишній подарокъ Алексѣя Алексѣевича, трубку съ чубукомъ бисернымъ да двѣ перемѣны штопанного бѣлья. Сигизмундъ Феликовичъ отвелъ ему флигелекъ о двухъ комнатахъ и положилъ для начала двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. А ѳль и пиль и столовался Иванъ Григорьевичъ у него. Погоржельскій пріучалъ Золотницкаго къ лѣсному и полевому хозяйству и разбѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ на бѣговыхъ дрожкахъ. За спиной Золотницкаго, въ буквальномъ смыслѣ за спиной, ибо, сидя впереди, Иванъ Григорьевичъ правилъ, Сигизмундъ Феликовичъ спокойнѣе чувствовалъ себя. Съ такимъ тѣлохранителемъ никакіе вертищевскіе псари не страшны.

Однажды глухою ночью здоровенный сторожъ Агапъ съ колотушкой и дубиной бродилъ по княжескому двору. И спать ему хотѣлось, и носомъ клевалъ. То смолкнетъ его колотушка, то вдругъ спохватится Агапъ и давай ее вертѣть, и тоскливыя, бесприютные звуки далеко несутся въ тихую ночную глубь. Хлопцы у костра на томъ берегу Ипути, стерегущіе сдѣланійныхъ фыркающихъ коней, шепчутся между собою:

— Ишь, Агапова колотушка, поди верстовъ пять будетъ, а чутко...

Видѣть Агапъ, пробирается кто-то воровской тѣнью къ домику Сигизмунда Феликовича.

— Эй, слышь, что есть за человѣкъ?

Тѣнь остановилась, не зная, продолжать ли свой путь, или на-зѣдъ броситься. Агапъ, сжимая дубину, пошелъ на невѣдомаго человѣка:

— Отзовись, кто будешь?

Тѣнь молчала, но и не двигалась съ мѣста.

— И вытишу же я тебя по спинѣ, полунощникъ!

Занесенная дубина остановилась въ руки Агапа. Въ безмолвной тѣни онъ углаждалъ Пѣтухова, который часто бывалъ въ усадьбѣ. Но спаси Господь и помилуй, какая разница между тѣмъ барчонкомъ въ новомъ сюртукѣ и этимъ крадущимся человѣкомъ, истерзаннымъ, на себя не похожимъ, въ рваныхъ, грязныхъ лохмотьяхъ... Самъ Агапъ говорилъ потомъ:

— Чуднѣ мнѣ теперь, какъ я могъ узнать яго. Ну, да у сторожа, что у доброго вора, глазъ одинаковъ: сквозь усе видѣть...

— Антонъ Макаровичъ, родненъкій. И чѣмъ-то съ вами? — вдругъ смягчился Агапъ.

— Бѣжалъ, высѣкли меня, бѣжалъ! Не могу, одинъ конецъ... Голубчикъ, Сигизмунда Феликовича разбудите!.. Вся надежда. Ой, болитъ, какъ отнемъ печеть... окаянны!

— Черти собачьи, — скребъ ночной сторожъ затылокъ. — Ни души у людей ни совѣсти. Убить бы его, проклятаго. Такъ нѣть. И пуля его не возьметъ. Сказываютъ, прыскаль его Талалѣй какой-то водицей заговоренной... Ну, пойду будить барина. Эхъ, дѣла, дѣла...

Пока черезъ дверь Агапъ вѣль переговоры съ заспанной кухаркой, Пѣтуховъ обезсиленный опустился на ступеньки и прижался головой къ деревянной колонкѣ, придерживающей крыльцо.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Сигизмундъ Феликовичъ въ халатѣ, накинутомъ поверхъ ночного бѣлья.

— Что-то есть такое? — недоумѣвалъ онъ.

Пѣтуховъ бросился ему въ ноги:

— Сигизмундъ Феликовичъ, спрячьте меня. Спасите, со свѣта меня сживають!

И Пѣтуховъ залился дѣтскимъ плачемъ, не выпуская ногъ Сигизмунда Феликовича. Вздрагивала куча лохмотьевъ, раепростертыхъ передъ управляющимъ.

Сигизмундъ Феликовичъ поднялъ Пѣтухова, усадилъ на скамеечку, а самъ успокаивающе гладилъ его голову и лицо, омоченное слезами:

— Ну, будешь, будешь. Тихо. Я сейчасъ укладываю вѣсъ, а завтра мы что-нибудь придумаемъ... То ему такъ даромъ не пройдетъ. Не пройдетъ, или тогда нѣть на землѣ Бога.

Сигизмундъ Феликовичъ самъ приготовилъ постель живописцу на длинномъ диванѣ, снабдилъ его перемѣнной бѣлья и, перекрестивъ его и поцѣловавъ, ушелъ къ себѣ въ спальню.

— Будешь хлопотъ намъ, — встрѣтила его, привставъ на кровати, жена въ бѣлой батистовой кофѣ и бѣломъ чепцѣ. — Наживешь ты бѣды со своимъ покровительствомъ.

— Развѣ можно бросить его такъ? Я буду защищать его изо всѣй силы, хотя бы имѣлъ большія непрѣятности, хотя бы погибъ должностъ.

Александра Игнатьевна поворочалась, повздыхала и скоро уснула. Сигизмундъ Феликовичъ, охваченный тоскливыми думами, полный жалости къ Пѣтухову, такъ и не сомкнулъ глазъ.

Тревожный остатокъ ночи провелъ Антонъ Макаровичъ. Не успѣть забыться, мерецится ему погоня, преслѣдованіе, и съ крикомъ, дикимъ и хриплымъ, хочетъ онъ бѣжать, не смѣя шевельнуться.

Сигизмундъ Феликовичъ зналъ всю строгую отвѣтственность свою передъ закономъ и судомъ за укрывательство бѣлага раба. Знать, но въ приливѣ какого-то романтическаго благородства даль себѣ слово не выдававъ Пѣтухова, какой бы то ни было опасностью не грозило это. Погоржельскій не сомнѣвался въ тщательныхъ розыскахъ и погонѣ со стороны азіата и приготовился въ случаѣ чего дать надлежащей отпоръ. Хотя самъ князь и не жилъ въ Гремячѣ, но всей дворни было около трехсотъ человѣкъ. Изъ охотниковъ, доѣзжачихъ и гайдуковъ управляющей сформировалъ заправскій конный отрядъ, вооруживъ его саблями и карабинами. Всадники въ три или четыре смыны разбѣжали патрулями и по самой усадьбѣ и въ окрестностяхъ.

Сигизмундъ Феликовичъ сознавалъ всю безцѣльность подобнаго образа дѣйствій. Ну, въ продолженіе двухъ-трехъ дней, наконецъ недѣли удастся ему отстаивать бѣглеца. Но если по жалобѣ Вертищева губернаторъ потребуетъ выдачи Пѣтухова, здѣсь уже не будетъ спасенія. Мысль переодѣть художника и снабдить его деньгами, чтобы онъ могъ продолжать бѣгство, Сигизмундъ Феликовичъ отогналъ прочь. Пѣтуховъ будетъ изловленъ вертищевскими людьми на первой, въ лучшемъ случаѣ на десятой верстѣ, и его засѣкнутъ на смерть. Если онъ гдѣ-нибудь и находится въ относительной безопасности, такъ это въ Гремячѣ.

Самъ не свой, дрожа, какъ осиновый листъ, сидѣлъ въ своемъ плѣну живописецъ. Помимо собственной судьбы, его интересовала участь слѣпого отца. На Вертищева хватить вымѣстить на этомъ старикѣ свою бѣшеную злобу. А что если и его подвергли такимъ же истязаніямъ? Художникъ готовъ былъ вернуться добровольно къ чудовищу въ пасть, только бы не трогали старика.

Амфилохій проговорилъ Аполлону, что Антонъ Макаровичъ находится въ усадьбѣ.

— Такъ чего онъ не идетъ къ намъ? — спросилъ Аполлонъ.

— Нельзя ему, онъ у Сигизмунда Феликовича.

— Тогда пойдемъ къ нимъ. Сигизмундъ Феликовичъ добрый, онъ позволитъ. Идемъ, я хочу видѣть Антона Макаровича. Всѣ вы отъ меня что-то прячете. Пойдемъ, отецъ!

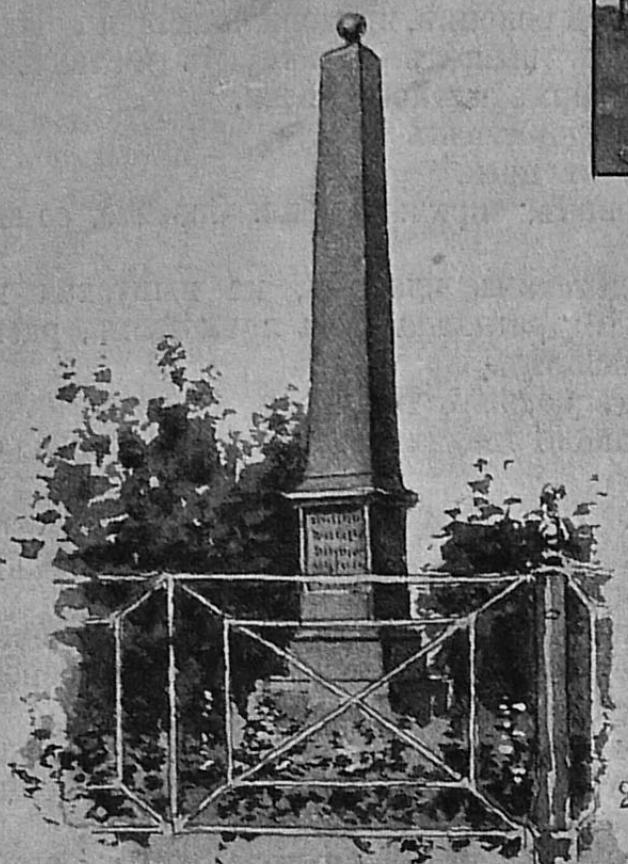
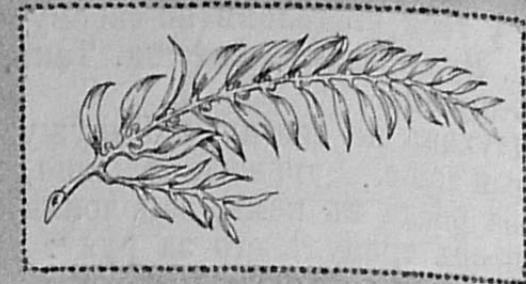
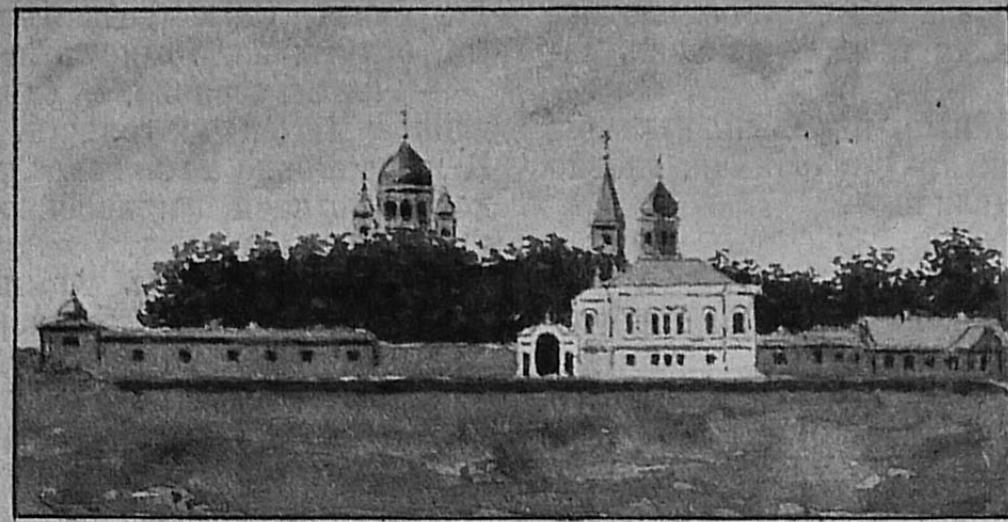
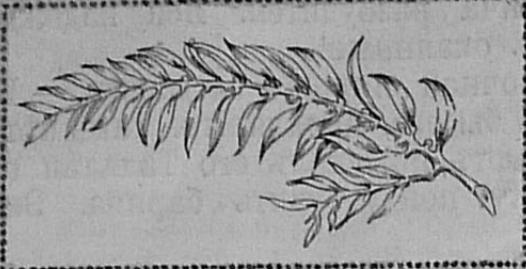
— А нѣть, ишь какой ты прыткій. Пойду сперва одинъ. Спрошу у Сигизмунда Феликовича позволенія.

Управляющій отказалъ Амфилохію.

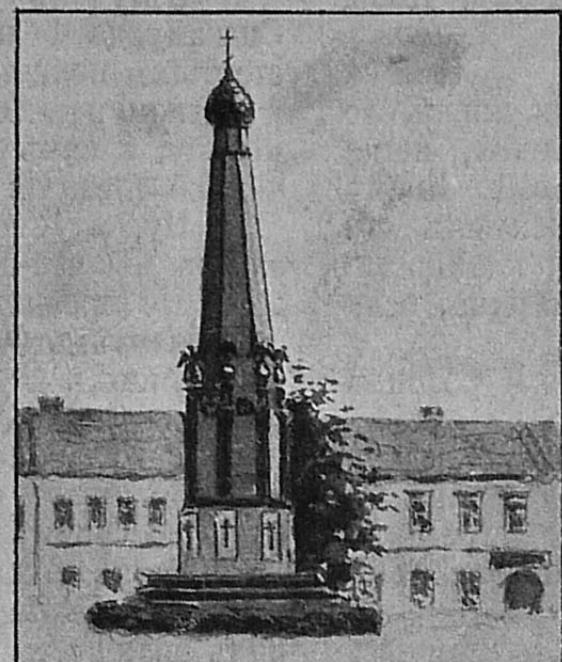
— А развѣ вы не видите, что Антонъ Макаровичъ весь побитый, и на лицѣ у него ссадины, содрана кожа. Если Аполлонъ увидѣть, то я не знаю, что съ нимъ сдѣлается... Это же такой чувствительный мальчикъ. Тогда онъ навѣрное заболѣть. Говорите ему, что Антону Макаровичу нездоровится, и сказано, чтобы его никто не тревожилъ.

Амфилохій такъ и передалъ мальчику. Но по глазамъ и лицу Аполлона замѣтно было, что онъ не вѣритъ ни одному слову:

— Всѣ вы прячете отъ меня. Бѣдный Антонъ Макаровичъ... Если бы мнѣ его хоть въ щелочку увидѣть...

2.

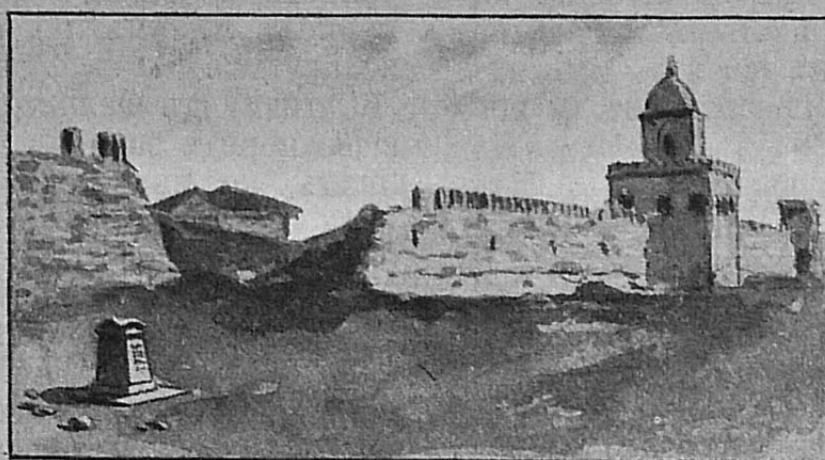
3.

4.

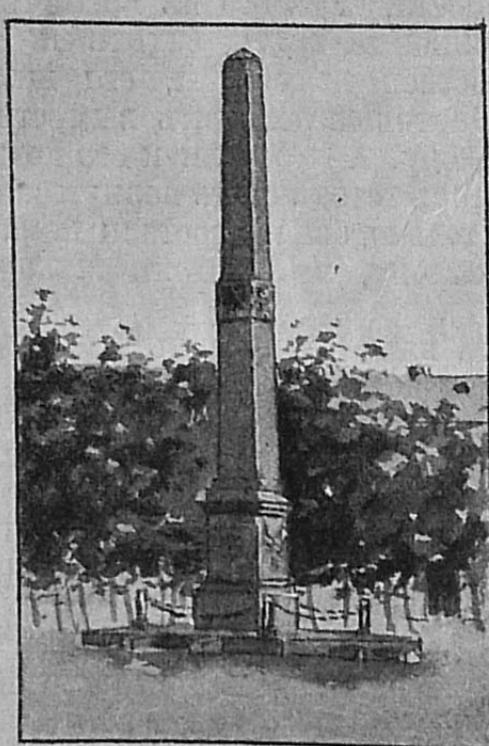
5.

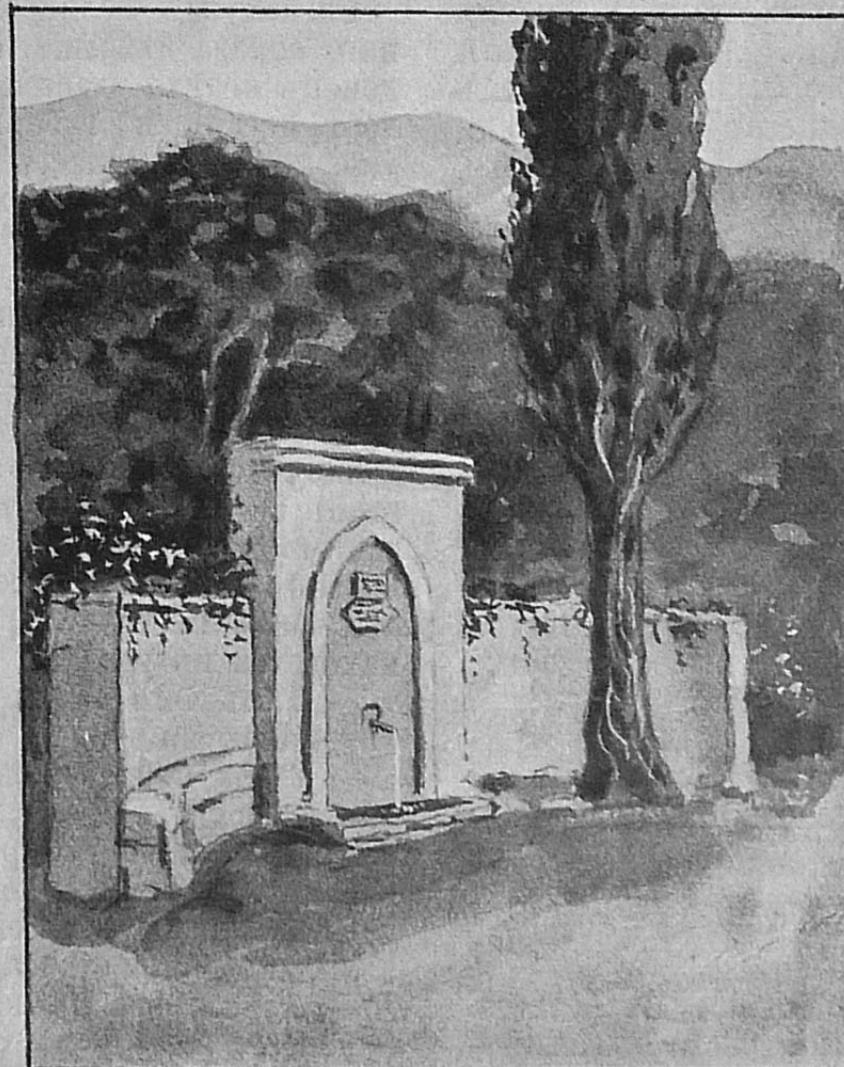
6.

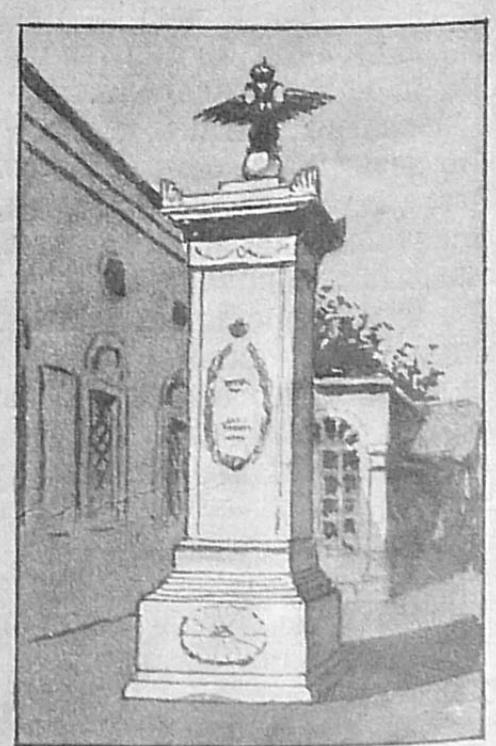
7.

8.

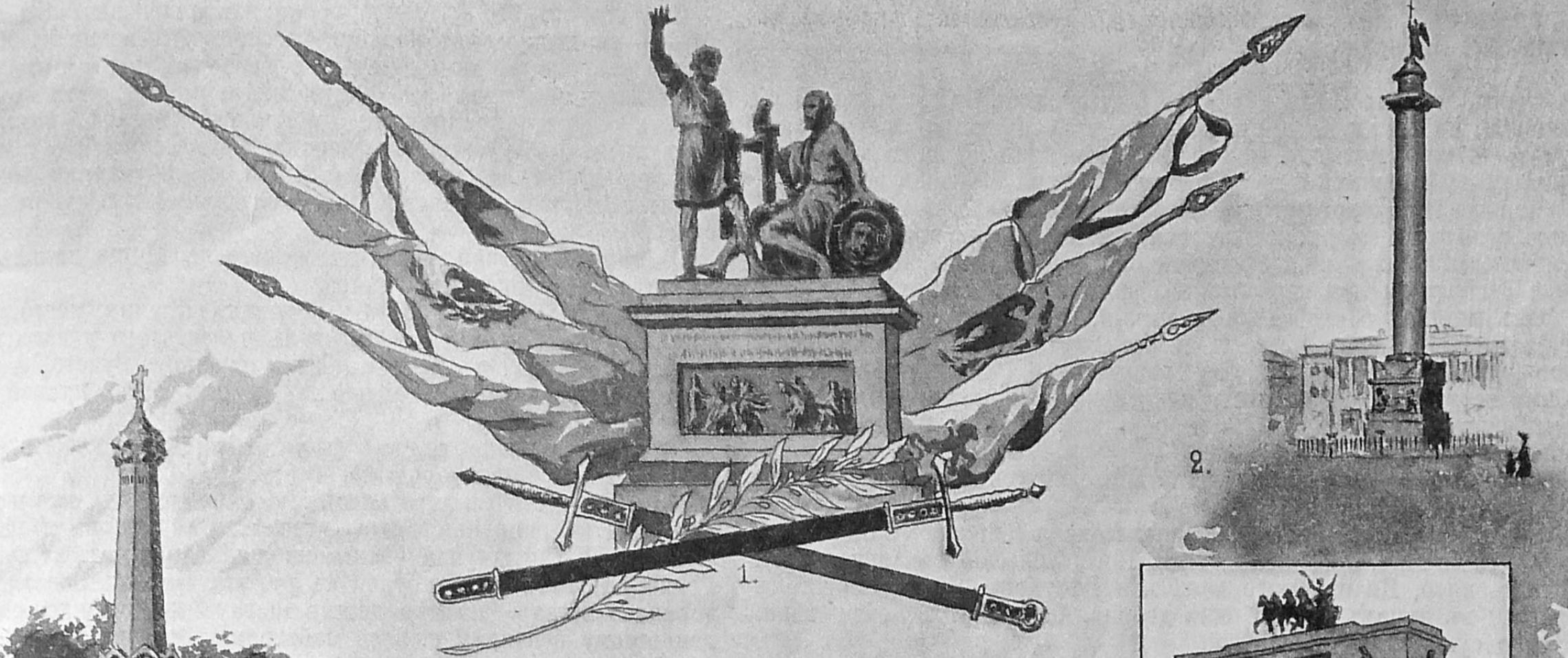
9.

10.

1. Спасо-Бородинскій монастырь. 2. Въ г. Оренбургѣ. 3. Въ г. Ковнѣ. 4. Императору Александру I въ г. Таганрогѣ. 5. Генералу Бистрому, близъ г. Ямбурга.
6. Энгельгардту въ г. Смоленскѣ. 7. У села Тарутина. 8. Въ г. Варшавѣ. 9. Въ Крыму у источника Суукъ-Су. 10. Въ г. Евпаторіи.

Памятники Отечественной войны.

3.

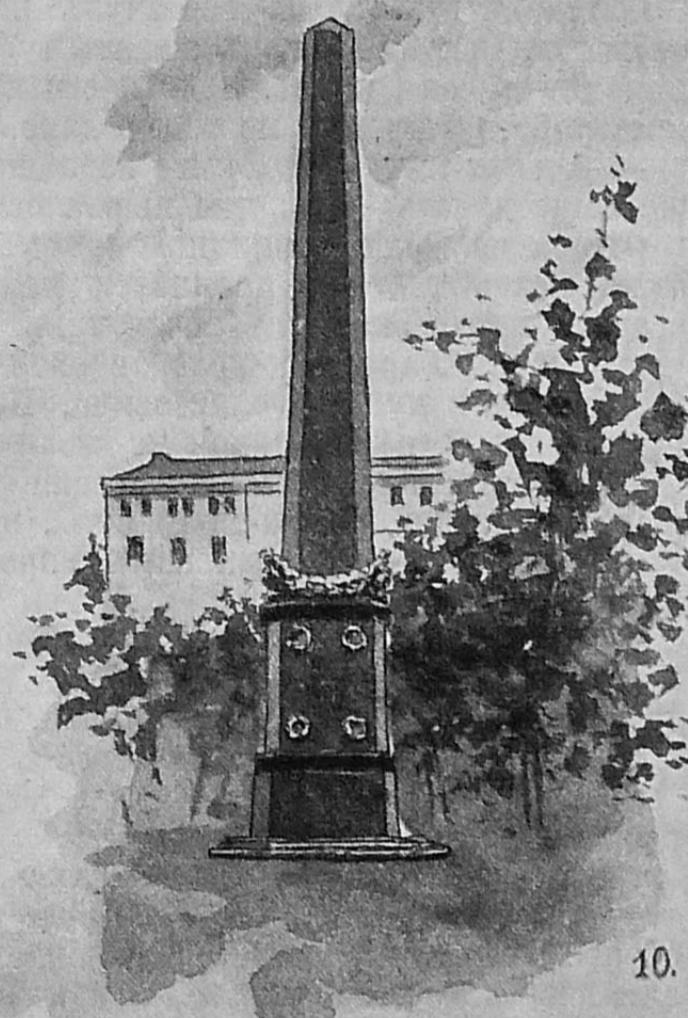
4.

5.

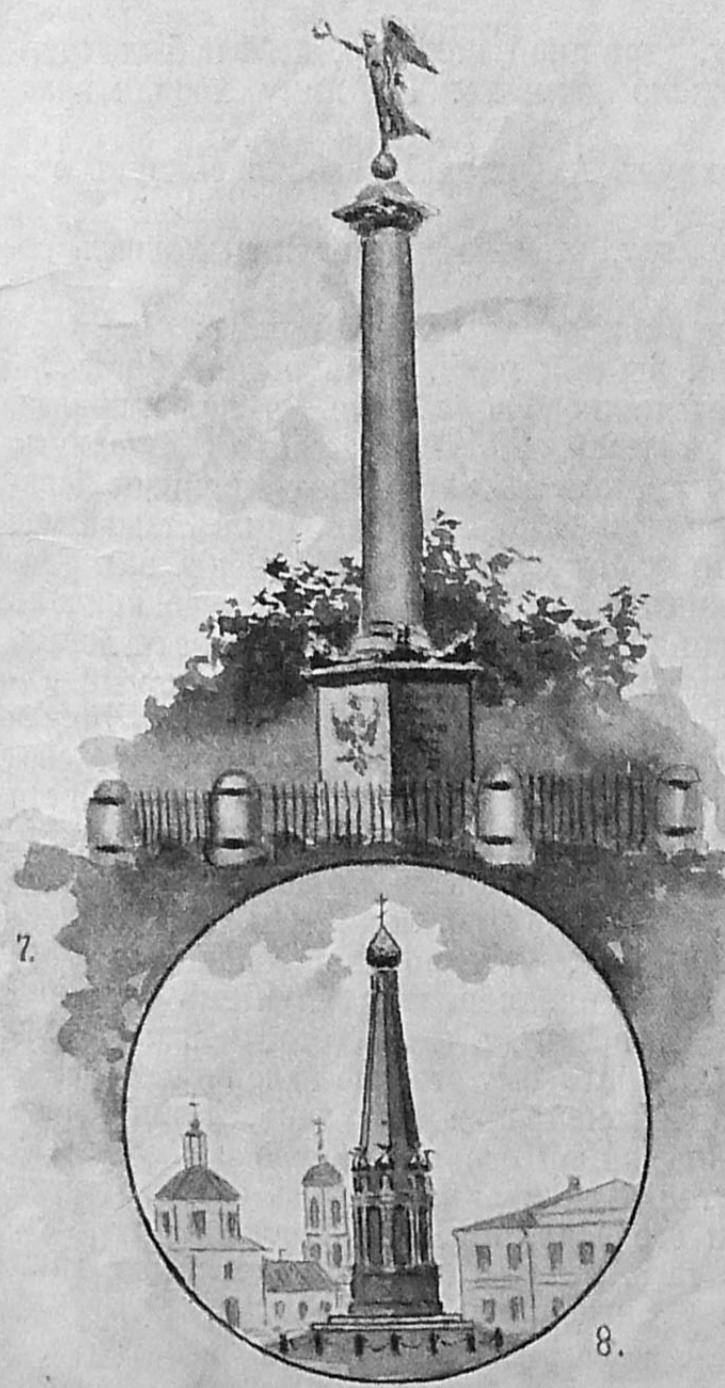
6.

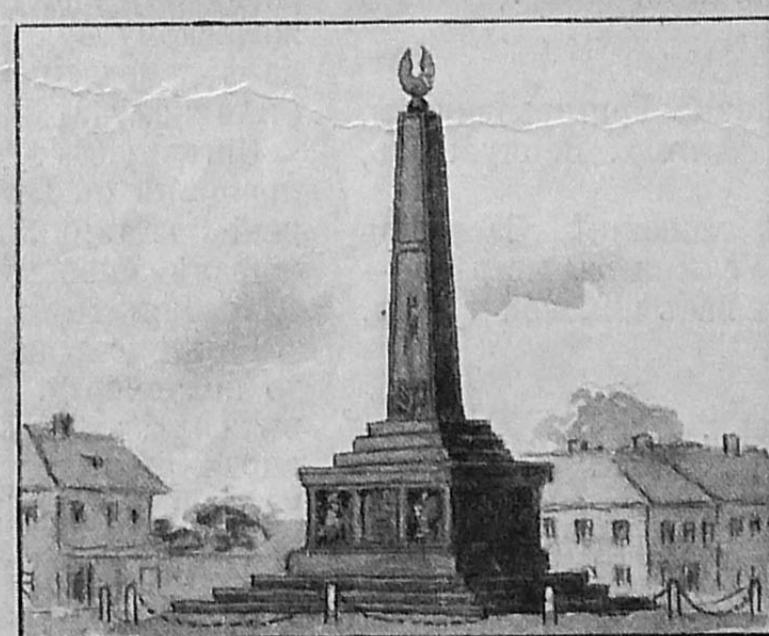
10.

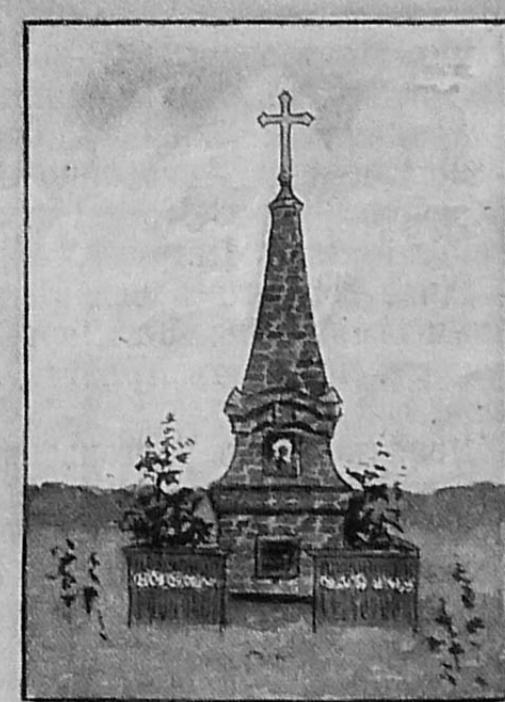
9.

8.

11.

12.

1 Минину и Пожарскому въ Москвѣ. 2. Александровская колонна въ СПБ. 3. На Бородинскомъ полѣ. 4. Нарвская тріумфальная арка въ СПБ. 5. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. 6. Тріумфальная арка въ Москвѣ. 7. Въ г. Ригѣ. 8. Въ г. Малоярославцѣ. 9. Въ г. Смоленскѣ. 10. Въ г. Калишѣ. 11. Въ г. Новгородѣ. 12. Близъ г. Медыни.

Памятники Отечественной войны.

Аполлонъ ходилъ сосредоточенный, грустный и по временамъ украдкой вытирая слезы.

XI.

Одинъ день прошелъ спокойно, другой, третій. Оттуда, изъ Вертищева, ни слуху ни духу. Живописецъ, благодаря заботливому уходу, быстро, молодецъ-молодцомъ поправился. Только исполосованная въ синякахъ и кровоподтекахъ спина обѣщала долго еще хранить слѣды варварскихъ истязаній. Пѣтуховъ подбодрился и уже гулялъ по двору. Между тѣмъ, какъ въ первый день, онъ сидѣлъ, забившись въ отведенной ему комнатѣ, вздрагивая и думая о спасеніи при каждомъ подозрительномъ шорохѣ.

Онъ мечталъ о свободѣ, обѣ Италии, куда манили его творческія грэзы, гдѣ онъ создастъ такую картину, которая сдѣлаетъ его—знаменитымъ, тогда ему разрѣшатъ вернуться въ Россію. Самъ государь пожелаетъ его видѣть, и Вертищеву будетъ стыдно.

„Только бы къ границѣ пробраться. Можно послушникомъ или странникомъ... А тамъ...“

Въ неясныхъ, туманныхъ, но плѣнительныхъ краскахъ мерещилось художнику это заповѣдное „тамъ“.

Подъ вечеръ у Сигизмунда Феликовича собирались на крыльца секундъ-майоръ, Амфилохій, самъ Погоржельскій съ Александрой Игнатьевной, Иванъ Григорьевичъ и Пѣтуховъ. Яркимъ золотомъ горѣли въ лучахъ заката окна дворца. Со двора исчезли тѣни. Вѣяло сумеречной прохладой.

Александра Игнатьевна, тяжело поднявшись, вперевалку скрылась во флигель, чтобы напоить гостей чаемъ.

— То еще вели тотъ ромъ подать... знаешь! — крикнулъ ей вдогонку мужъ.

Художникъ въ платьѣ Сигизмунда Феликовича—у нихъ были почти одинаковыя фигуры—задумчиво смотрѣлъ вдоль широкой аллеи, откуда на его голову можетъ обрушиться немало бѣдъ и несчастій. И, какъ бы развивая свою мысль вслухъ, Антонъ Макаровичъ сказалъ:

— А хорошо отдохнуть, совсѣмъ отдохнуть. И если бы я то-пился, то непремѣнно въ княжескомъ озерѣ. Тамъ навѣрное по ночамъ русалки хороводы водятъ... и около меня кружились бы.

Дѣячокъ сплюнула:

— Тыфу, прости Господи, какую человѣкъ несетъ погань! Развѣ не знаете, какой это грѣхъ великій?

Пѣтуховъ пристально взглянула на Амфилохія и ничего не отвѣтилъ. Секундъ-майоръ жевалъ губами:

— Да-съ, онъ правъ. Надо нести крестъ, терпѣть, но не отнимать у себя того, что не тобою дано.

— А если нѣть силъ, если падаешь подъ его бременемъ? Что же тогда дѣлать?—страстно вырвалось у Пѣтухова.

Отвѣта не было. Вниманіе всѣхъ привлекъ вынесшийся изъ аллеи всадникъ. Онъ промчался черезъ дворъ и ловко и круто осадилъ коня. Это былъ борзятникъ Петруха, съ кинжаломъ у пояса и въ барабанѣ красноверхой шапкѣ. Встрѣтившись съ глазами Сигизмунда Феликовича, Петруха снялъ шапку и мотнула головой, остиженной по-казацки въ кружокъ:

— Баринъ, а баринъ! Вершины будутъ къ намъ изъ Вертищева и, кажись, Миша-„мальчикъ“, въ челѣ.

— Сколько?—нахмурившись, спросилъ Сигизмундъ Феликовичъ.

— Душъ двѣнадцать, пожалуй, будетъ. Прикажите не пущать. Я соберу хлопцевъ, встрѣтимъ ихъ у околицы и такого зададимъ звону! Живо осѣдлаемъ коней...

Сигизмундъ Феликовичъ дергалъ усы въ нерѣшительности:

— Чѣмъ дѣлать? Пожалуй, такая каша заварится, трудно будетъ расхлебывать.

Золотницкій пришелъ на помощь:

— Ничего этого не надо. Много чести для нихъ. Ну и хлопотъ не оберешься, коли эти болваны пойдутъ рѣзаться да прострѣливатъ одинъ другого. Останемся, какъ сидѣли. Только ружей пару на всякий случай пущай будуть подъ рукою, да Антона Макаровича надо спрятать.

Антонъ Макаровичъ и то дрожалъ весь, бѣгая глазами, цѣпляясь ими за всѣхъ, въ чаяніи защиты:

— Арапниками запороть, окянные.

— Не запороть,—спокойно возразилъ Иванъ Григорьевичъ и, какъ ребенка, увелъ Пѣтухова за руку во флигель. Вернувшись, онъ обратился къ Петрухѣ:

— Живо соберитесь человѣкъ десять въ конюшнѣ. Засядешь съ ними тамъ съ карабинами и—молчокъ... Услышите выстрѣлы—выручайте. Не будутъ стрѣлять, значитъ—въ васъ никакой нужды. Поняли?

— Понялъ Иванъ Григорьевичъ.

Петруха пришпорилъ коня и былъ таковъ...

А Сигизмундъ Феликовичъ въ это время сходилъ въ свой кабинетъ и вернулся съ двумя ружьями и пороховницей. Золотницкій осмотрѣлъ внимательно курки, кремни и щепотками пороха „затравилъ“ полки:

— Ну, теперь милости просимъ!

Сказалъ онъ это въ самое время: изъ аллеи двигался на дворъ отрядъ вертищевскихъ всадниковъ. Впереди—великанъ-Миша сидѣлъ, избоченясь, на гиѣдомъ, громадномъ, подъ стать ему же-ребцѣ. Вершины, кто въ охотницкой черкескѣ, кто въ архалукѣ, кто въ расшитомъ шнурами гайдучемъ кафтанѣ, медленно пересѣкли дворъ и молча, не здороваясь, остановились у крыльца, на которомъ сидѣли четверо, блѣдная, перепуганная Александра Игнатьевна, выглядывавшая въ полуприкрытую дверь — не въ счетъ.

Въ тишинѣ острой, такой напряженной, Миша началъ видимо заранѣе приготовленную рѣчь:

— Здѣсь хоронится бѣглый мужикъ барина моего Алексея Алексѣевича Вертищева. Пріѣхалъ я взять его у васъ добромъ, потому въ большомъ отвѣтѣ передъ закономъ будете. А не отдадите добромъ — возьму силою... Гдѣ онъ есть, пускай сейчасъ выходитъ...

И дерзко и нагло съ самымъ разбойничимъ видомъ смотрѣлъ сверху внизъ чернобородый гигантъ.

Моментъ былъ рѣшительный. Чувствовалось, только и жаждеть привести въ исполненіе свою угрозу... Всѣ сидѣли стѣна-стѣною, блѣдные. У Сигизмунда Феликовича заходили подъ кожей склады. Горячій полѣкъ уже тянулся къ ружью. Но тутъ Золотницкій не торопясь всталъ. Размѣреннымъ шагомъ приблизился онъ къ чудовищному всаднику и, весь побагровѣвъ, съ глазами, налитыми кровью, гаркнулъ на всю усадьбу:

— Шапку долой, холопъ, когда говоришь съ дворянами!..

Миша растерялся отъ бѣшенаго окрика, при видѣ того самаго Ивана Григорьевича, который позорно и люто избилъ его. Великанъ хотѣлъ презрительно улыбнуться, раздавить лошадиною грудью Золотницкаго, вытянуть его арапникомъ. Но вмѣсто всего этого—нерѣшительно снялъ шапку. Примѣру его послѣдовалъ и весь отрядъ.

Уже спокойнѣе итише, но чеканя каждое слово, Иванъ Григорьевичъ продолжалъ:

— Никакихъ здѣсь бѣглыхъ мужиковъ барина вашего нѣть. По какому праву вы явились сюда, на чужую землю, въ чужое имѣніе... Чтобы духу вашего не было! Вонъ убирайтесь, тотчасъ же!..

Переглядываясь, всадники затоптались на мѣстѣ. Ждали, чѣмъ прикажетъ старшой. А старшой самъ былъ безпомощенъ. Золотницкій одинъ, безоружный, котораго онъ могъ бы сейчасъ затоптать, внушалъ суевѣрный страхъ его разбойничьей темной душѣ. И, выдавивъ на своею бородатомъ лицѣ какое-то подобіе безпечной усмѣшки, великанъ ожегъ арапникомъ своего коня. Жеребецъ свѣтлой взвился на дыбы. Золотницкій стоялъ, не шелохнувшись. Лихой наѣздникъ Миша усидѣлъ, какъ на оси, повернулся жеребца на заднихъ ногахъ въ сторону и ускакалъ. Передъ самымъ вѣзdomъ въ аллею онъ остановился и что-то съ угрозой прокричалъ, махая арапникомъ... Черезъ минуту весь отрядъ скрылся.

Благодаря Золотницкому, страшной волѣ его, побѣда была одержана блестящая. Онъ тяжело дышалъ. По лицу ходили красные пятна.

— Ухъ, — тяжело вздохнулъ Амфилохій, словно скинувъ стопудовую тяжесть.

— Да-съ, это я вамъ доложу,—только нашелся вымолвить секундъ-майоръ.

Погоржельскій обнялъ и расцѣловалъ Золотницкаго:

— Отъ сегодняшняго дня вы для меня, какъ родной братъ...

Дней на десять воцарилось полное спокойствіе. Внѣшнее, правда. Грода притаилась на времена лишь. Пѣтуховъ успѣлъ отдохнуть, оправиться. Зато слегъ въ постель Аполлонъ, подкошенный первою горячкой. Всѣ злоключенія Антона Макаровича отзывались въ его хрупкомъ, впечатлительномъ организмѣ. А когда онъ увидѣлъ въ окно вертищевскихъ всадниковъ, онъ неистово кричалъ и весь въ спазмахъ, въ конвульсіяхъ свалился въ безчувствій.

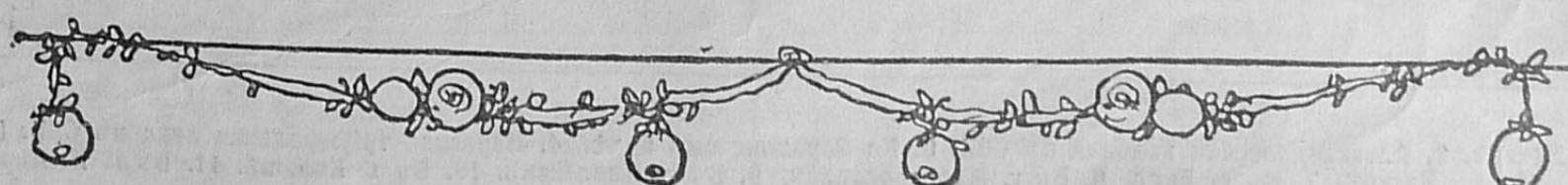
Однажды утромъ въ Гремячъ прискакалъ конвоируемый нѣсколькоими драгунами капитанъ-исправникъ. Онъ прочелъ Погоржельскому бумагу, въ которой черниговскій губернаторъ требовалъ немедленной выдачи бѣглого крестьянина, принадлежащаго отставному арміи поручику Алексѣю Алексѣевичу Вертищеву.

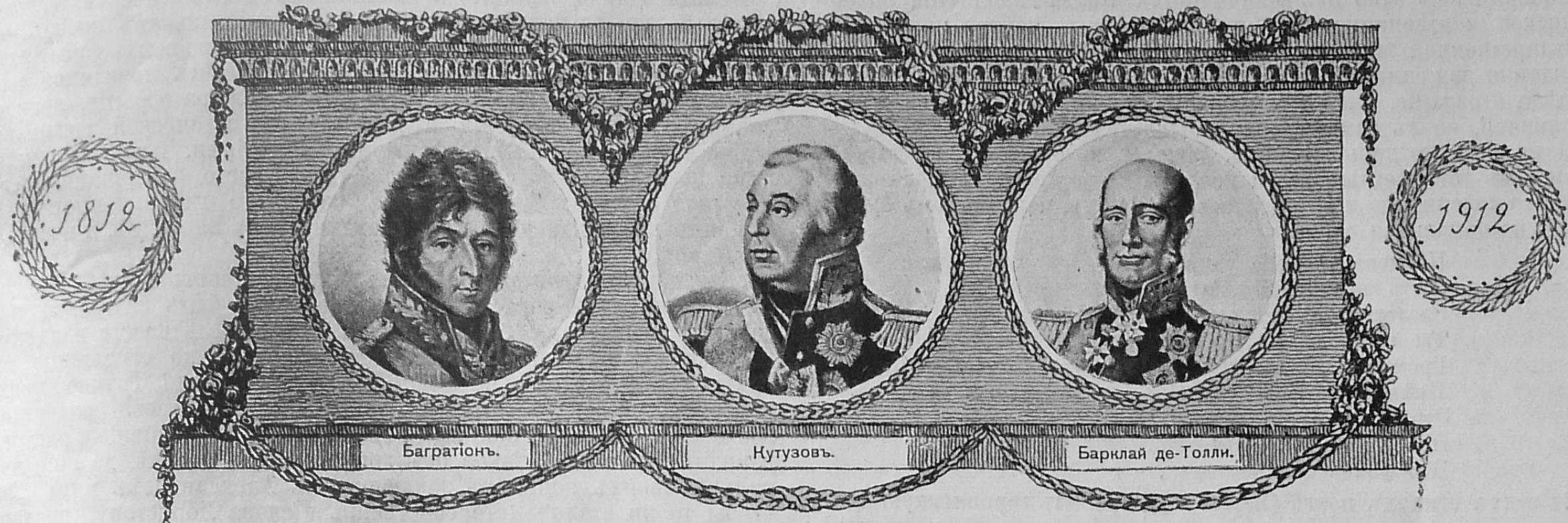
Сигизмундъ Феликовичъ долженъ былъ повиноваться. Сцена прощанія съ Пѣтуховымъ была душу раздирающая. Даже каменныи Золотницкій и тотъ плакалъ. Четверо драгунъ насили сдерживали бившагося Пѣтухова, охваченного безумiemъ отчаянія. Заковали его въ кандалы и увезли въ фельдъегерской телѣжѣ.

Вертищевъ засѣкъ надѣлавшаго ему столько хлопотъ бѣглеца до полусмерти. Два мѣсяца отлеживался Пѣтуховъ. Лишь только въ силахъ былъ встать, дождливой осенней ночью онъ уѣхжалъ вновь. Уѣхжалъ, чтобы утопиться въ княжескомъ озерѣ. Черезъ нѣсколько дней вытащили его всухшій, обезображеній трупъ.

Несчастный художникъ такъ именно покончилъ съ собою, какъ думалъ, сидя на крыльца у Сигизмунда Феликовича.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Юбилей страданія и славы.

Очеркъ.

(Продолжение).

Измученные, нравственно и физически истерзанные войска (у Кутузова оставалось всего только шесть батальонов пехоты, не бывшей еще в огне) стояли в ночной мгле, как тени. И, подобно французам, в эту ночь они еще не знали, победили они или побеждены...

Они узнали это только потом, когда Наполеон побежжал из Москвы, и когда уже всем стало ясно, что под Бородиным его армия получила смертельную рану...

Вот это значение и иметь для насъ Бородино. Результат этого „безрезультатного“ сражения был громадный. Оно причинило наполеоновской армии смертельную рану. По инерции она некоторое время еще продолжала свое бытие, но в сущности послѣ Бородина начинается ея агонія. Она „докатилась“ до Москвы, потом покатилась обратно из Москвы, но уже истекая кровью...

Въ этомъ сраженіи могъ устоять и устоять только тотъ, кто могъ, какъ Антей, прикоснуться къ землѣ и получить отъ нея новую мощь. Французы этого не смогли сдѣлать: у нихъ не было здѣсь земли. Ихъ земля осталась за три тысячи верстъ отсюда... А мы прикоснулись... Наша земля была у насъ, съ ея запасами, съ ея родной любовью... Кутузовскія войска склонились къ ней и встали потом—въ Тарутинѣ—освѣженными и усилившимися...

Но не легка была для насъ та рана, которую мы нанесли въ Бородинскомъ бою французамъ: болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ легло на полѣ сраженія. Были убиты Тучковы, былъ смертельно раненъ Багратіонъ. Тысячи русскихъ семействъ послѣ Бородина облеклись въ трауръ.

Но эта кровавая жертва, увеличенная потомъ Московской огненной жертвой, послужила тѣмъ кризисомъ, за которымъ началось медленное выздоровленіе. Бородино — переломъ Отечественной войны. До него война шла въ гору, послѣ него пошла подъ гору. До Бородина Наполеонъ сохранилъ свой ореолъ великаго военного генія и непрекаемаго военного авторитета. Послѣ Бородина начинается его быстрое развѣничваніе.

Страшная грозовая туча Бородинской битвы разразилась огненнымъ ливнемъ московского пожара, а затѣмъ наступило облегченіе, которое всегда наступаетъ послѣ грозы. Скопившееся въ Россіи электричество страданія и ужаса разрѣдилось на Бородинскихъ поляхъ... Страданіе осталось надолго и позднѣе, но оно уже утратило характеръ безнадежности и мистического ужаса передъ Наполеономъ. Появились просвѣты...

Бородинская битва является переломомъ кампаніи двѣнадцатаго года только въ глазахъ историка. Въ глазахъ современниковъ, еще не предвидѣвшихъ, чѣмъ кончится нашествіе Наполеона, эта страшная битва казалась однѣмъ изъ явленій, знаменовавшихъ собою начало дальнѣйшихъ успѣховъ Наполеона. Русские люди съ недоумѣніемъ и ужасомъ говорили: „Что же это значитъ? Мы снова отступаемъ? Но куда же отступать дальше?“

Дальше дѣйствительно оставалась только Москва... Въ арміи у насъ, правда, господствовало до самого послѣдняго момента убѣжденіе, что Москву не отдадимъ, по крайней мѣрѣ не отдадимъ безъ боя. И когда 1 сентября войска подошли къ Москве, то Кутузовъ приказалъ выбрать позицію для нового генерального сраженія. Но сраженіе все-таки не состоялось. Быть собранъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ крестьянина Андрея Савостьянова, военный совѣтъ, увѣковѣченный въ извѣстной картинѣ художника А. Д. Кившенко и въ романѣ Толстого... На совѣтѣ присутствовали, кроме Кутузова, генералы Барклай де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ и Беннигсенъ. Какъ извѣстно, совѣщавшіеся не пришли ни къ какому опредѣленному решенію, и Кутузовъ былъ принужденъ принять на себя тяжесть единоличнаго рѣшенія.

Послѣ долгихъ преній онъ рѣшительно заявилъ, что, „доколѣ будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться

непріятелю, до тѣхъ порь останется надежда счастливо довершить войну. Но по уничтоженіи арміи и Москвы Россія потеряна“, — и приказалъ отступить...

Съ этого момента началось то, чего такъ боялись русскіе и во что не вѣрили и о чём даже помыслить не могли въ началѣ войны: Москва была оставлена врагамъ въ добычу. Войска ушли отъ нея, не стали защищать ея. Кутузовъ, по словамъ очевидца, всю ночь послѣ совѣта въ Филяхъ не могъ уснуть, нѣсколько разъ принимался плакать и въ волненіи говорилъ: „Доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ лошадиное мясо жрать!..“

Что дѣлалось въ это время въ Москвѣ и вокругъ нея? Несмотря на успокоительныя афишки Ростопчина, москвичи чувствовали опасность положенія и еще задолго до совѣта въ Филяхъ стали покидать злополучный городъ. А въ началѣ сентября, послѣ того, какъ стало ясно, что Москва предоставлена врагу, бѣгство изъ Москвы приняло характеръ паническій. Вотъ что говорить по этому поводу очевидецъ:

„Только-что мы выѣхали на равнину (Московская дорога близъ Рязани), какъ представилось намъ зрелище, единственное и жалостное: какъ только могъ досягать взоръ, вся Московская дорога покрыта была въ нѣсколько рядовъ разными экипажами и пѣшиими, бѣгущими изъ несчастной столицы, жителями. Одни другихъ выпереживали и спѣшили, гонимые страхомъ, въ каретахъ, коляскахъ, дрожкахъ и телѣгахъ, вскорѣ, кто въ чёмъ могъ и успѣлъ, съ глазами заплаканными и пыльными лицами, окладенные дѣтьми различныхъ возрастовъ. А и того жалостнѣе: хорошо одѣтые мужчины и женщины брели пѣши, таща съ собою дѣтей своихъ и бѣдный запасъ пропитанія. Мать вела взрослыхъ, а отецъ въ телѣгѣ или за плечами тащилъ тѣхъ, которые еще не могли ходить. Всякъ вышелъ вскорѣ, не приготовясь, бывъ постигнутъ нечаянно, и брели безъ цѣли и большою частью безъ денегъ и безъ хлѣба. Смотря на эту картину бѣствія, невозможно было удержаться отъ слезъ. Гуль отъ множества щущихъ и идущихъ былъ слышанъ весьма издалека и, сливаясь въ воздухѣ, казался какимъ-то стономъ, потрясающимъ душу...“

То же самое происходило и по другимъ трактамъ—Владимирскому, Нижегородскому, Ярославскому. Въ Ростовѣ улицы были „зачерпнуты“ проѣзжающими и пѣшими. Жители московскіе бѣжали изъ своего родного города такъ же неудержимо, какъ разливается изъ опрокинутаго сосуда вода. Наши войска отступали медленно. Французы шли за ними по пятамъ въ Москву. Чтобы выиграть время, ген. Милорадовичъ отправился парламентеромъ въ авангардъ Мюрута, завелъ съ нимъ долгіе переговоры, удачно и остроумно мистификовавъ его и дѣйствительно выгадавъ нѣсколько часовъ времени для отступленія русскихъ войскъ чрезъ Москву.

Вернувшись въ Москву, Милорадовичъ увидѣлъ странное зрелище: одинъ изъ отрядовъ выступалъ изъ Кремля съ музыкой. Со всѣхъ сторонъ раздавались упреки. Солдаты и жители говорили:

— Какой это измѣнникъ радуется нашему несчастью?

На вопросъ Милорадовича начальникъ отряда объяснилъ, что въ регламентѣ Петра Великаго предписано покидать сдаваемую крѣпость съ музыкой.

— Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?— вскричалъ Милорадовичъ. — Прикажите замолчать вашей музыкѣ!

2 сентября Москва была уже пуста. Наполеонъ стоялъ въ этотъ день на Поклонной горѣ и ждалъ „депутацій“ изъ „завоеванного“ священнаго города. Ждалъ тщетно. Произошла та трагикомедія, на которой съ невольнымъ удовольствіемъ удовлетворенія народной гордости останавливается вниманіе, когда перечитываешь исторію этихъ историческихъ дней...

Совершилось одно из величайших мировых событий: патриотическое жертвоприношение цели столицы, центра народной и государственной жизни. И совершилось так просто и почти неожиданно для самих патриотов-жертвователей. Кругом Москвы кипело страдание, смятение, тоска разоренных и обездоленных москвичей, но в самой Москве было тихо и пусто.

И в тот же день начались пожары, которые вскоре превратились в тот неслыханный костер, в котором сгорела слава смельчага корсиканца и возродилась в новом, невиданном блеске наша национальная слава.

Пламень в небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветь...
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь... Русь, впередъ...
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ...
Это жертвеникъ спасенья,
Это пламя очищенья,
Это фениковъ костеръ...

В этих стихах поэт (Языков) выразил героическую идею московского пожара... Другой поэт—болѣе глубокий и сильный, солнце нашей поэзии, А. С. Пушкин,—в чеканныхъ строфахъ „Евгения Онѣгина“ отмѣтил величайшую психологическую ошибку Наполеона, не угадавшаго, съ какимъ противникомъ онъ имѣть дѣло:

Отсѣлъ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Надменный, кто тебѣ подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнуль
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушного пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Наполеонъ бранилъ русскихъ „варварами“ за этотъ „великодушный пожаръ“. Бѣдствіе для него и его арміи было громадное. Героический пожаръ имѣлъ для него очень практическое послѣдствіе: три четверти Москвы выгорѣло; не было кровя для его солдатъ. Несмотря на осень, завоеватели ютились сплошь и рядомъ на улицахъ. Не было припасовъ. Точно на смѣхъ, въ разоренной и сожженной столице было много предметовъ роскоши, но не было необходимаго. Были цѣнныя мѣха, ювелирныя драгоценности, золото, серебро, но не было хлѣба для людей и фуражка для скота. Во время рекогносцировокъ, т.-е. грабежа, французские солдаты находили въ городѣ вдоволь всего—и сахара, и кофе, и вина, но не находили хлѣба, мяса и овса... Не было также и материала для ремонта одежды: все сгорѣло или было вывезено заблаговременно изъ Москвы...

И вотъ тутъ-то „великая армія“ стала мало-по-малу пріобрѣтать тотъ маскарадный и убогій видъ, который потомъ послужилъ темою для всевозможныхъ шутокъ и карикатуръ на нее... Тогда-то впервые пошли въ ходъ вмѣсто военныхъ мундировъ священническія ризы, дамскіе капоты и пр.

Странный и неописуемый видъ имѣла тогда сгорѣвшая Москва, населенная пришельцами. По городу блуждали словно тѣни представители чуждыхъ народовъ, попавшихъ словно жертвы какой-то сатанинскій шутки въ тиски странной и непонятной нужды въ стѣнахъ чуждаго города за много земель отъ ихъ родины. Прѣѣзжая по городу, Наполеонъ, по словамъ современника, видѣлъ странную смѣсь утонченности и позорной нищеты, роскоши и голода. „У костровъ, сложенныхъ изъ дорогой мебели, среди разбитыхъ зеркалъ, разорванныхъ книгъ и картинъ, расколотыхъ въ щепы дорогихъ предметовъ, кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина. (Исполнилось предсказаніе Кутузова). Подъ голымъ небомъ безъ всякоаго присмотра валялись головы сахару, мѣшки кофе, цыбуки чаю. А хлѣба ни у кого не было“...

Кто сжегъ Москву? Вопросъ объ этомъ долго и страстно волновалъ міръ. Французы винили въ пожарѣ русскихъ, русскіе—французы. Наполеонъ обвинялъ въ этомъ „варварскомъ“ поступокъ генераль-губернатора Ростопчина. Ростопчинъ сначала не признавалъ себя виновникомъ, но позднѣе, когда московскій пожаръ сталъ рассматриваться, какъ дѣло патриотически-подвигнутой руки, онъ уже не отпирался и былъ не прочь именоваться виновникомъ пожара...

Въ настоящее время, спустя сто лѣтъ, существует мнѣніе, что Москва „сама сгорѣла“, что ее никто не жегъ, но она загорѣлась, какъ загорѣлся бы всякий городъ въ однородныхъ условіяхъ: не было ни присмотра за многочисленными уличными кострами ни противопожарной помощи. Къ тому же французы не умѣли обращаться съ русскими печами. Немудрено, что болѣе чѣмъ на половину деревянный городъ, да еще въ сухое время, загорѣлся отъ легендарной „копеечной свѣчи“, т.-е., можетъ-быть, отъ искры костра, отъ выкинувшей загорѣвшейся золы и т. п. Некому было специально поджигать Москву, и некому было и тушить ее. А когда по всему городу разлилось огненное море, тогда оказалось, что и противопожарныхъ средствъ въ городѣ нѣть: не было ни пожарныхъ трубъ ни иныхъ инструментовъ. Они были заблаговременно вывезены или испорчены...

Нельзя однако отрицать и единичныхъ „патріотическихъ поджоговъ“, но во всякомъ случаѣ московскій пожаръ имѣть не одну причину, но цѣлый рядъ ихъ. И какъ и во всѣхъ событияхъ Отечественной войны, здѣсь какъ бы пронеслось невидимое дыханіе Рока, создавшаго изъ московскаго пожара событие, полное знаменательнаго значенія и стоящее въ логической связи со всѣми предыдущими и послѣдующими событиями. Чья-то незримая рука поставила это событие въ центръ всего совершившагося, освѣтило его какъ бы пламенемъ народнаго гнѣва и протянуло отъ него незримыя нити и къ Тарутину, и къ Березинѣ, и позднѣе къ Парижу.

„Кто обуялъ твой дивный умъ?“—спрашиваетъ поэтъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ „великій Наполеонъ“ быть настолько недальновиднымъ, чтобы допустить за пять недѣль своего владѣнія Москвою такъ много всякихъ безтактностей по отношенію къ врагу и такъ смертельно оскорбить его чувство? Трудно предположить, чтобы въ замыслы геніального въ своей расчетливости корсиканца входило такое безмыслие дразненіе и растрѣливаніе русскихъ, какое онъ попустилъ въ Москву, да еще на канунѣ своихъ попытокъ заключить съ Александромъ миръ „во чтобы то ни стало“ (его собственные слова Лористону, посланному имъ изъ Москвы съ предложеніемъ мира Кутузову). Между тѣмъ французы во время своего московскаго хозяйничанья только и дѣлали, что растрѣливали русскихъ и ввергали ихъ въ такой гнѣвъ, который не знаетъ ни снисхожденія ни прощенія...

Растрѣлы ни въ чёмъ неповинныхъ крестьянъ („поджигателей“), грабежи, насилия и издѣвателства надъ мирными жителями, а главное—безмыслие оскверненіе церквей, превращеніе ихъ въ хлѣвы, въ казармы. Развѣ поступаютъ такъ мудрые и тактичные завоеватели, расчитывающіе на скорое и безболезненное заключеніе міра? Поистинѣ, „если Богъ хочетъ кого-нибудь наказать, то отниметъ у него разумъ...“

Такою же безтактностью было и повелѣніе взорвать Кремль, когда французы уже выступали изъ Москвы послѣ безплоднаго и безмыслия сидѣнья на ея развалинахъ въ теченіе пяти недѣль... Зачѣмъ понадобилось Наполеону это варварство? Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить этотъ поступокъ, какъ только местью москвичамъ за пожаръ. Наполеонъ какъ бы хотѣлъ сказать: „Вы совершили варварство противъ меня, вы подожгли Москву... Я плачу вамъ такимъ же варварствомъ: я не оставлю камня на камнѣ отъ вашего священнаго Кремля!..“ Но этотъ актъ мести повлекъ за собой только сильное раздраженіе русскихъ, и яма, которую Наполеонъ рылъ самъ для себя, углубилась послѣ того еще больше...

Къ счастью, порохъ въ минахъ отсырѣлъ, и колоссальный взрывъ, приведенный въ исполненіе генераломъ Мортѣ, удался только отчасти. Но все-таки, по словамъ очевидцевъ, картина этого взрыва была ужасна...

Въ ночь съ 8 на 9 октября Мортѣ выступилъ со своимъ отрядомъ изъ Москвы, и немедленно начались взрывы. Первый ударъ былъ самый сильный. Земля затряслась, уцѣлѣвшіе отъ пожара дома дрогнули. Стѣны домовъ, даже вдали отъ мѣста взрыва, трескались, потолки обрушивались, людей подбрасывало на воздухъ. „Разбрѣты, израненные осколками стеколь, камнями, желѣзомъ, несчастные выбѣгали въ ужасѣ на улицы. Непроницаемый мракъ окутывалъ Москву, холодный осенний дождь лилъ потоками. Отовсюду слышались дикие крики, визгъ, стоны людей, раздавленныхъ падающими зданіями. Одинъ взрывъ слѣдовалъ за другимъ, земля не переставала колебаться. Все напоминало, казалось, послѣдній день міра“...

Въ Кремль взлетѣли на воздухъ три башни со стороны набережной. До половины свалилась угловая башня, осыпался верхъ Никольскихъ воротъ до иконы св. Николая Чудотворца. Сгорѣлъ дворецъ, выгорѣла Грановитая палата, пострадали соборы. Мины были заложены подъ Василія Блаженнаго и Ивана Великаго, и только случайность (подмокли отъ проливнія фитили) спасла отъ страшнаго разрушенія эти замѣчателныя и безцѣнныя памятники нашей старины...

Безцѣльное сидѣніе въ пустынной и сгорѣвшей Москвѣ послужило только къ тому, что армія Наполеона стала разлагаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ и тогда же началось разложение самой его идеи покорить Россію. Еще находясь въ Москвѣ, Наполеонъ старѣлъ настойчивые попытки заключить миръ. Мало того, онъ отдалъ приказъ генералу Лористону, посланному имъ къ Кутузову въ Тарутину, „заключить миръ во что бы то ни стало“... Это было уже паденіе...

Кутузовъ принялъ Лористона очень торжественно и даже просилъ для этого случая у Коновницына новыя эполеты, такъ какъ у Кутузова эполеты оказались изношены и стары... Но на всѣ намеки французскаго генерала о крайней желательности мира онъ отвѣчалъ, что о мирѣ и рѣчи быть не можетъ...

Русскіе къ этой порѣ уже побѣдили французовъ духомъ. Оставалось побѣдить тѣломъ...

Залогъ этой окончательной побѣды уже имѣлся въ Тарутинскомъ сраженіи, которое хотя и было неудачно для насъ (мы упустили Мюратъ, на котораго напали и потеряли убитымъ Баггута), но возбудило подъемъ духа въ арміи. Это было первое сраженіе послѣ долгаго московскаго перерыва, и притомъ мы здѣсь перешли уже въ наступленіе...

Памятники Отечественной войны,

(Съ 22 рис. на стр. 696 и 697).

Ни одно изъ событий нашей новой истории не оставило послѣ себя такъ много различныхъ памятниковъ, какъ Отечественная война. Начиная отъ памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. отъ монументовъ, и кончая памятниками литературно-художественными, посвященными двѣнадцатому году, мы имѣемъ богатый запасъ этихъ выражений народного уваженія ко всему тому, что волновало народную мысль и чувство въ знаменательную эпоху борьбы съ Наполеономъ.

Цѣлый рядъ памятниковъ воздвигнутъ по пути военныхъ событий двѣнадцатаго года. Существуютъ памятники Отечественной войны въ Ковнѣ (гдѣ былъ нанесенъ послѣдній ударъ французамъ), въ Смоленскѣ, Малоярославцѣ, Тарутинѣ, Бородинѣ, Москвѣ. Въ Москвѣ такими памятниками являются Храмъ Христа Спасителя и Тріумфальная ворота. Затѣмъ имѣется цѣлый рядъ памятниковъ двѣнадцатаго года и въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ, не входившихъ въ районъ военныхъ дѣйствій: въ Петербургѣ (Нарвскія ворота и Александровская колонна), въ Новгородѣ, Ригѣ и др. мѣстахъ.

Во многихъ мѣстностяхъ и городахъ встрѣчаемъ памятники императору Александру Благословенному — какъ герою Отечественной войны: въ Петербургѣ (Александровская колонна, о которой мы уже упоминали, и которая является одновременно памятникомъ Отечественной войны и императора Александра I), въ Таганрогѣ — тамъ, гдѣ скончался Александръ Благословенный, затѣмъ въ Калишѣ, Варшавѣ, Европіи.

Наконецъ во многихъ городахъ сооружены памятники и въ честь отдѣльныхъ героеvъ войны двѣнадцатаго года. Таковы памятники Кутузову и Барклаю де-Толли въ Петербургѣ около Казанского собора, Кутузову въ Крыму, партизану Энгельгардту въ Смоленскѣ и т. д.

Наибольшій интересъ среди всѣхъ этихъ памятниковъ и монументальныхъ памятниковъ-зданий, несомнѣнно, представляютъ памятники, имѣющіеся на Бородинскомъ полѣ, и прекрасный храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ, который, по мысли его первоначального строителя, знаменитаго и несчастнаго Витберга, долженъ быть обобщить въ себѣ всю идею событий двѣнадцатаго года съ мистико-религіозной точки зрењія. Къ сожалѣнію, планъ этотъ не былъ осуществленъ, а самъ Витбергъ былъ сосланъ въ Вятку, ложно обвиненный въ несуществовавшихъ преступленияхъ. Тотъ храмъ Христа Спасителя, который былъ потомъ воздвигнутъ въ Замоскворѣчье, является лишь слабымъ намекомъ на грандиозный храмъ-памятникъ, проектированный Витбергомъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ московскій храмъ поражаетъ своей грандиозностью, гармоніей архитектурныхъ частей и красотою линій.

Бородинское поле въ ближайшемъ будущемъ украсится нѣсколькими новыми памятниками, открытие которыхъ совпадаетъ съ юбилейными торжествами. Въ настоящее же время на немъ уже имѣются три памятника, относящіеся собственно къ событию Бородинской битвы. Во-первыхъ, памятникъ, воздвигнутый при императорѣ Николаѣ I на томъ мѣстѣ, гдѣ была знаменитая батарея Раевскаго. Затѣмъ Спасо-Бородинскій женскій монастырь, основанный М. М. Тучковой, вдовою генерала Тучкова, убитаго въ Бородинскомъ бою. И въ-третьихъ, цѣнныемъ памятникомъ Бородинской битвы является церковь села Бородина, — единственное зданіе, сохранившееся на полѣ сраженія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было 26 августа 1812 года.

Къ памятникамъ двѣнадцатаго года относится и изба въ деревнѣ Филяхъ, гдѣ происходилъ знаменитый военный событъ подъ начальствомъ Кутузова. Изба эта въ настоящее время ремонтирована и утратила свою подлинность, но тѣмъ не менѣе самое мѣсто это освящено воспоминаніями о великой эпохѣ.

Не менѣе внушительные и многочисленные памятники двѣнадцатаго года оставилъ и въ нашей общественной жизни и въ исторіи нашей культуры и общественного развитія. Объ этомъ наслѣдствѣ двѣнадцатаго года мы говоримъ особо — въ строкахъ, посвященныхъ послѣдствіямъ Отечественной войны.

Альма Тадема.

(Портр. и рис. на стр. 685, 688, 689 и 692).

Скончавшійся нынѣшней весной знаменитый художникъ Альма Тадема принадлежитъ къ числу первокласснымъ мастеровъ живописи. Его картины представляютъ собою образцы классическаго искусства, — того искусства, которое создаетъ школы въ живописи.

Альма Тадема, какъ всякий крупный художникъ, отмежевалъ себѣ излюбленную область, въ которой умѣлъ и зналъ все и въ которой чувствовалъ себя настоящимъ хозяиномъ и владыкой. Область эта — древній міръ, съ его своеобразной культурой, съ его повседневнымъ бытомъ, съ его страданіями, радостями, праздниками и буднями. Поклонникъ классической греческо-римской культуры, Альма Тадема всего охотнѣе изображалъ древнихъ грековъ и римлянъ, но кисть его не чуждалась и болѣе раннихъ

народовъ и болѣе древнихъ культуръ: напримѣръ, древніаго Египта. Задачей всей его художественной дѣятельности было воспроизведеніе давно угасшей жизни старыхъ народовъ. Какъ жили люди тысячи лѣтъ тому назадъ? Одна изъ лучшихъ картинъ Тадемы такъ и называется... И картина эта типична для всего его творчества: она является какъ бы программой всей его прекрасной жизненной работы. Какъ люди жили много вѣковъ тому назадъ. Какъ они трудились, вѣрили, любили. Какою красотою или ужасомъ были они окружены. Какія черты соединяютъ ихъ жизнь съ нашей жизнью. Чѣмъ разобщаетъ ихъ бытѣ съ нашимъ.

Всматриваться въ глубину прошлыхъ вѣковъ всегда поучительно, а иногда такое пристальное всматривание волнуетъ и будитъ глубокія мысли и чувства. Намъ кажется чудно и странно и отрадно, что тысячи лѣтъ тому назадъ, въ страшной дали прошлаго, люди жили такъ же, какъ и мы, такъ же страдали и радовались и наслаждались бытіемъ и проклинали его... Вглядываніе въ жизнь прошлыхъ поколѣній будить въ насъ чувство общности со всѣмъ человѣчествомъ, а это чувство всегда отрадно, потому что человѣкъ инстинктивно стремится къ общенію съ людьми... Для него радостно общеніе съ живыми людьми, а общеніе съ людьми прежніхъ вѣковъ и поколѣній онъ окутываетъ красивой поэтической дымкой и иногда возводить даже въ религіозный кульпъ. Почитаніе предковъ есть такой кульпъ, и почитаніе это въ своей сущности имѣть глубокій смыслъ: оно знаменуетъ для людей непрерывность ихъ бытія въ цѣпи рожденій и смертей и освящаетъ связь живыхъ съ умершими, — связь всего человѣчества въ его отдѣльныхъ представителяхъ.

Творчество Альмы Тадемы есть своего рода кульпъ почитанія предковъ. Въ своихъ картинахъ онъ даетъ яркіе образы прошлаго... Тучи столѣтій разсѣиваются благодаря таланту художника, какъ дымный пологъ, и то, что, казалось, должно было навсегда быть скрытымъ для насъ, предстаетъ предъ нами, какъ фрески и реликвіи Помпеи и Геркуланума. Альма Тадема освобождается отъ пепла и лавы, извергнутихъ всесожигающимъ временемъ, цѣлія эпохи. Это — художникъ-антiquарій, художникъ-археологъ; его взоръ былъ постоянно устремленъ въ тѣ величія эпохи, когда люди были и наивны, какъ дѣти, и мудры, какъ столѣтніе старцы, — въ тѣ эпохи, когда душа человѣчества открывалась яснѣ и не-посредственнѣ и была проникнута красотою первыхъ религіозныхъ исканій и стремленій къ разрѣшенію тайнъ жизни и духа...

Красота духа и красота физическая, это — эпохи Египта и Греціи. Глубокія мистическихъ исканія, страстная проникновенность въ тайны гроба характеризуютъ Египетъ. Страстная любовь къ пластикѣ, къ красотѣ тѣла, къ живой природѣ — типичны для древней Греціи. Обѣ эти эпохи всего охотнѣе и ярче воспроизводить Тадема.

Задумчивыя, строгія и проникновенные лица египтянъ, похожія на лица сфинксовъ; молчаливыя, застывшія въ страданіи духа, тѣла; суровыя, почти аскетическія фигуры, въ которыхъ все духъ и тайна, — таковы тѣ картины Тадемы, въ которыхъ онъ рисуетъ Египетъ. Такова его „Послѣдняя египетская казнь“, изображающая гибель фараонова первенца. Такова „Мумія“ и „Какъ люди жили 3.000 лѣтъ назадъ“...

Іные настроеніе и колоритъ и краски въ тѣхъ картинахъ, въ которыхъ предъ нами предстаетъ жизнь классическихъ грековъ. Здѣсь все свѣтло и полно торжества плоти. Прекрасныя дѣвушки и юноши читаются Гомера. Великій художникъ Фидій работаетъ надъ фризомъ Парѳенона, погруженный въ гармоническую красоту создаваемыхъ имъ линій... Прелестныя дѣвушки несутъ символическая „розовая цѣпи любви“... Все въ этихъ картинахъ, начиная отъ лицъ и кончая обстановкой, полно жизнерадостной и свѣтлой поэзіи и красоты, рожденной голубымъ моремъ и золотымъ небомъ Эллады. Красота линій, строгая гармоничность и законченность рисунка, неуволимая грація позъ и движений гармонируютъ въ этихъ картинахъ Тадемы съ самою сущностью изображаемой имъ жизни, которая была такъ же законченна и художественна и полна величавой красоты.

Въ этихъ картинахъ древнѣ-греческой жизни лежитъ центръ творчества художника: онъ наиболѣе типичны для него. Обыкновенно Альму Тадему такъ и представляемъ, какъ пѣвца древнѣ-греческой жизни. Но онъ любилъ изображать и первые вѣка средневѣковья: такова его „Фредегонда“ — красавая и порочная королева франковъ, навлекшая на себя проклятие потомковъ и гнѣвъ церкви. Полуфантастическое, полууреальное средневѣковье, таинственное и мрачное, какъ рисунокъ цѣтныхъ стеколъ въ окнахъ стариннаго готического собора, нашло для себя въ этой картинѣ живое и точное отраженіе.

Произведенія А. Тадемы всегда производятъ впечатлѣніе вполнѣйшей художественной законченности. Этотъ художникъ, такой точный и добросовѣтный въ изображеніи старинной жизни, любилъ придавать и самому рисунку детальну завершенность. Рѣдкостное знаніе изображаемой жизни поражаетъ въ немъ столько же, сколько и чисто-художественные качества его картинъ, гармонический колоритъ и благородство линій. И только въ наиболѣе позднихъ произведеніяхъ Тадемы эта законченность и колоритность переходятъ въ слащавость.

Сэръ Лауренсъ Альма Тадема, профессоръ живописи, родился въ Фрисландіи въ 1836 году. Его отецъ, нотаріусъ, протестовалъ противъ увлеченій своего сына искусствомъ и хотѣлъ направить его на дорогу практической дѣятельности. Обычная борьба

Въ поле съ завтракомъ. По этой мѣстности Латуръ-Мобуръ велъ атаку на дер. Семеновскую.

Храмъ въ с. Бородинъ. Одна изъ первыхъ непріятельскихъ гранатъ во время знаменитаго боя попала въ куполъ храма.

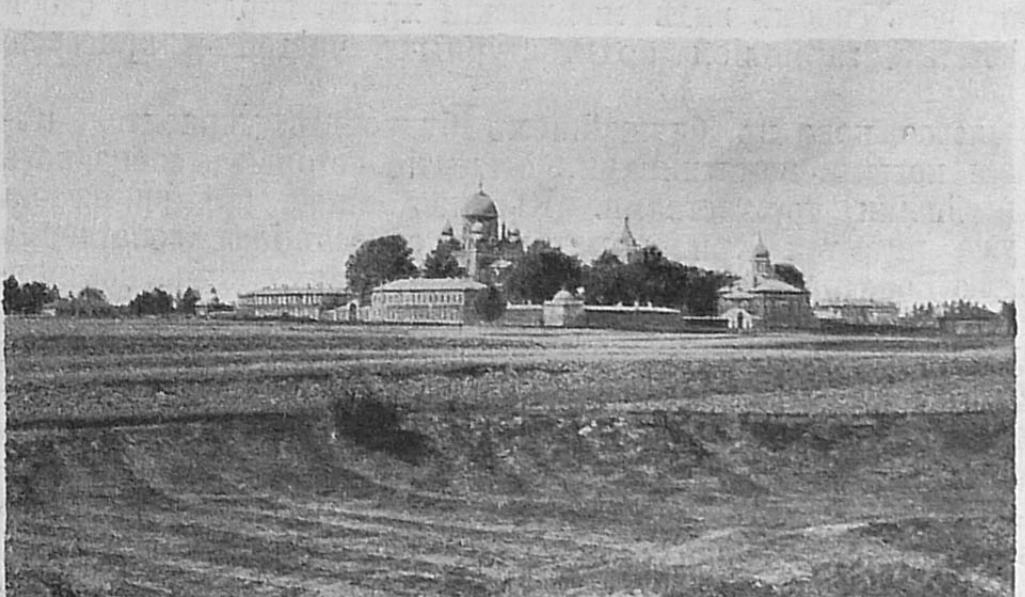
Шевардинскій редутъ, взятый французами 24 августа. Въ бою 26 августа на этомъ курганѣ сначала находились французская батарея, а затѣмъ штабъ Наполеона, откуда онъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Всѣ деревья теперь снесены, и редуту придается первоначальный видъ.

Молотьба. Правый берегъ рѣки Колочи у дер. Горки, гдѣ по берегу было расположено 34 русскихъ орудія.

Первое зданіе. Сторожка на Бородинскомъ полѣ, построенная М. М. Тучковой. Въ этой сторожкѣ она все время жила, наблюдая за постройкой храма, и въ ней же скончалась. Сторожка построена въ то время, когда на полѣ оставались еще слѣды кроваваго боя.

Спасо-Бородинскій женскій монастырь, построенный на мѣстѣ центральной Семеновской флеши супругой убитаго ген.-м. Тучкова. Маргарита Михайловна Тучкова была и первой игуменьей монастыря.

На сѣнокосѣ. Дер. Татариново, гдѣ въ дни Бородинскаго боя находилась главная квартира Кутузова.

Уборка ржи. На этомъ полѣ разыгралось кавалерійское столкновеніе, завершившее собою Бородинскій бой.

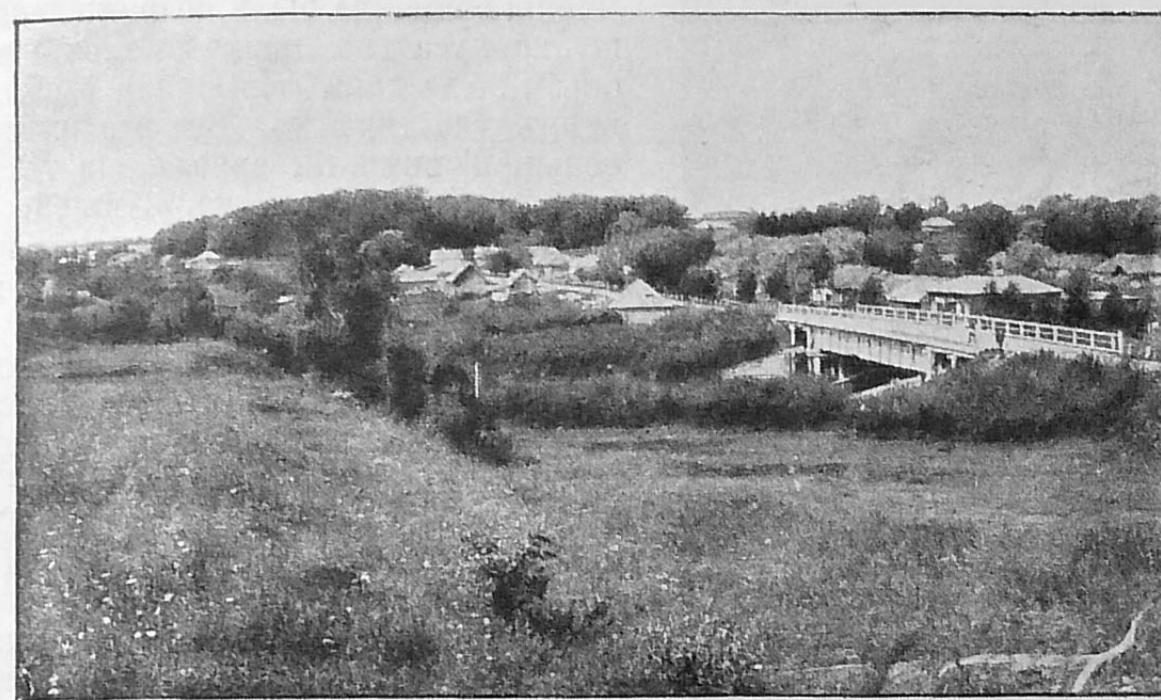
Пастухи. Французская батарея, построенная 25 августа противъ с. Бородина. Съ этого мѣста 25 августа Наполеонъ изслѣдовалъ позиціи русскихъ, и здѣсь у него съ маршаломъ Даву происходилъ разговоръ о планѣ боя.

На Багратіоновыхъ позиціяхъ.

Уборка монахинями сѣна. Здѣсь произошелъ самый кровопролитный моментъ боя, въ которомъ былъ смертельно раненъ кн. Багратіонъ.

С. Бородино съ мостомъ черезъ р. Колочь. Около этого моста была первая схватка нашихъ егерей съ французскими шассерами. Это—начало знаменитаго боя.

Жатва. Мѣстность между дер. Беззубовою и Захарьиномъ. Здѣсь произошло столкновеніе кавалеріи Уварова съ кавалеріей Орлана.

За отбиваніемъ косы. Деревня Валуево, въ которой Наполеонъ провелъ ночь на 26 августа.

Пахарь. Курганы Раевского. Вдали памятникъ, воздвигнутый въ 1839 г. на мѣстѣ срытой батареи.

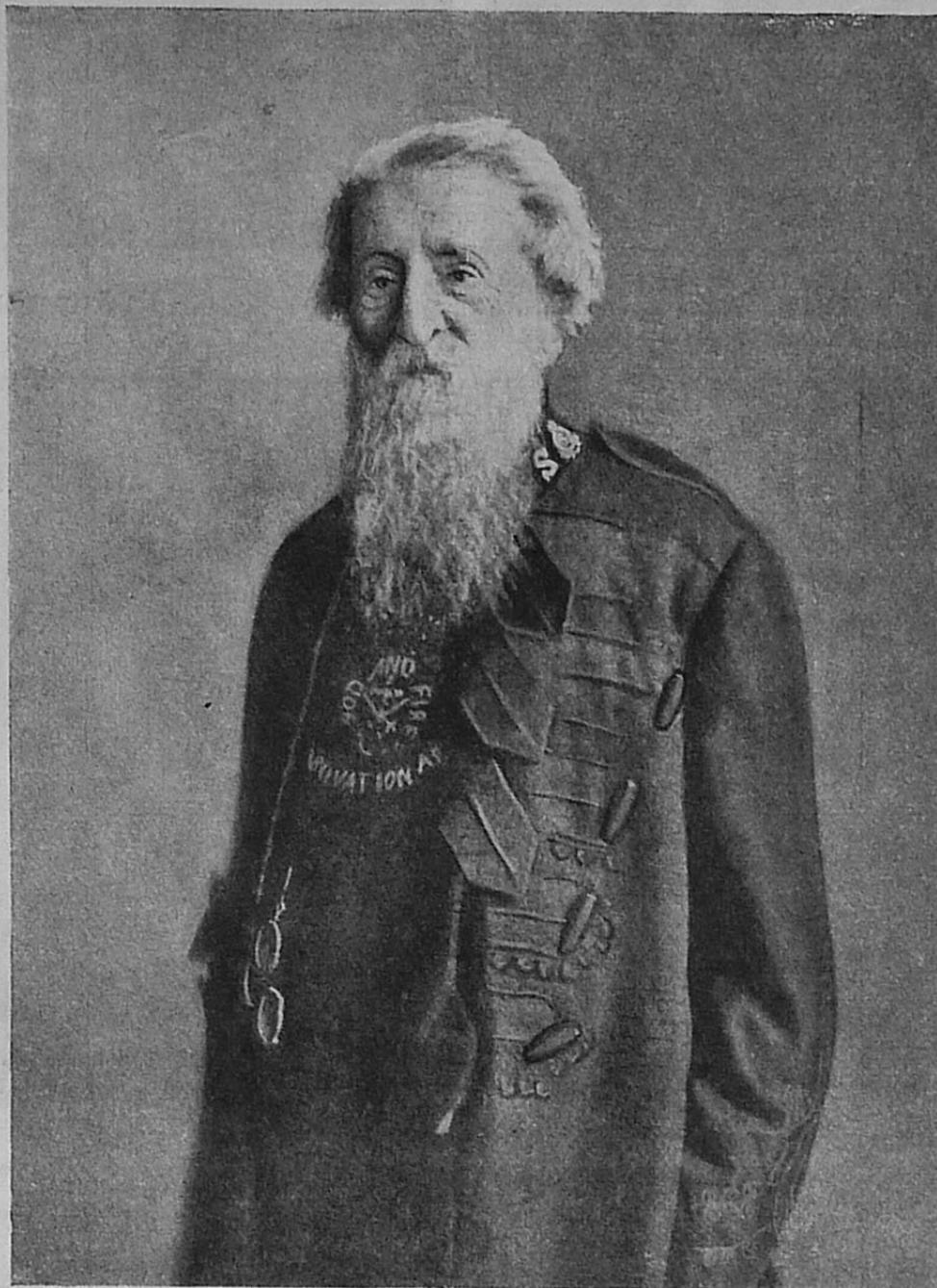
Дворецъ въ с. Бородинъ.

орлиного таланта съ мѣщанствомъ узко-практическихъ воззрѣній закончились у А. Тадемы торжествомъ его артистического влеченія. Въ 1852 году онъ поступилъ въ антверпенскую академію художествъ. Еще ранѣе того Тадема увлекался археологіей и вѣковою стариной. Это увлеченіе сказалось въ самомъ началѣ его художественной дѣятельности и стало для него руководящимъ. Онъ зачитывался классиками и старательно, по первоисточникамъ, знакомился съ древнимъ бытомъ и жизнью. Его учителемъ въ академіи былъ извѣстный въ свое время художникъ Лейсъ, знатокъ археологии и авторъ картинъ изъ старинной жизни. Но ученикъ блестательно превзошелъ учителя. Сущность и „книжность“ сюжетовъ Лейса Тадема оживилъ и одухотворилъ своимъ блестящимъ талантомъ и творческой проникновенностью въ самый смыслъ и духъ изображаемой эпохи. Первая же изъ его крупныхъ картинъ въ этомъ родѣ — „Воспитаніе сыновей Кунигунды“ (1862 г.) — принесла ему крупный успѣхъ и извѣстность въ широкой публикѣ и была приобрѣтена бельгійскимъ королемъ.

Послѣ того А. Тадема много путешествовалъ, былъ въ Италии и Греции и изучалъ на мѣстѣ природу древней Эллады и дивныхъ древности классической Греціи и Рима. Это путешествіе освѣтило для него старину и доставило ему возможность еще ярче воспроизводить многовѣковую древность въ живыхъ образахъ.

Въ 1874 году Альма Тадема переселился въ Лондонъ и съ той поры не покидалъ Англіи. Онъ отличался большой плодовитостью. Имъ написано множество картинъ, изъ которыхъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: „Катулъ у воспѣтой имъ Лесбіи“, „При входѣ въ римскій театръ“, „Тарквиній Гордый“, „Римскій любитель искусствъ“, „Убийство Калигулы“, „Аудіенція у Агripы“, „Іосифъ, домоправитель фараона“, „Імператоръ Клавдій“, „Імпровизаторъ“, „Римскія бани“ и др.

Альма Тадема создалъ цѣлую школу послѣдователей. Его любовь къ античной древности и къ древней красотѣ нашла откликъ и въ другихъ художникахъ, и „культь предковъ“, трактованный покойнымъ художникомъ въ такихъ прекрасныхъ формахъ, разросся въ цѣлое направление въ живописи. Кое-что въ этомъ направленіи уже устарѣло: напримѣръ, нѣкоторая условность, приподнятость и слашавость тона. Но проникновеніе въ старую жизнь у Тадемы поражаетъ своей интенсивностью и придаетъ его произведеніямъ непрѣходящій интересъ и цѣнность. Его художественная кисть пріобщаетъ насъ къ давнoproшедшему и вызываетъ въ насъ тоску по старой красотѣ, по благороднымъ античнымъ завѣтамъ и идеаламъ.

Генералъ Арміи спасенія, Вильямъ Бутсъ.
(1829—1912 г.)

пьяницъ отъ кабаковъ, увлекали въ свои ряды бродягъ и падшихъ женщинъ — и послѣ того всѣ эти подобранные „на полѣ сраженія“ получали работу устраивались Бутсомъ на заводахъ, на фермахъ и т. д. Позднѣе Армія спасенія стала обладать крупнымъ капиталомъ, земельными имуществами — и все это такъ или иначе служило цѣлямъ „арміи“...

Въ настоящее время Армія спасенія состоитъ изъ 8.972 корпсовъ (полковъ) въ 56 государствахъ. Въ ней числится 21.203 офицера. Самъ Бутсъ считался генераломъ и былъ дѣйствительно утвержденъ въ генеральскомъ чинѣ королемъ Англіи Эдуардомъ VII.

Ему наслѣдуетъ сынъ его, числившійся дотолѣ „начальникомъ штаба“.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1912 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го** (отъ 8 сентября). При высылкѣ денегъ гг. иногородніе подписчики благоволятъ обозначать **на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли** или прилагать самый адресъ.

Содержание. ТЕКСТЪ: Тайна. Рассказъ Н. Олигера. — Синіе Острова. Стихотвореніе М. Пожаровой. — Аполлонъ Бельведерский. Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго. (Продолженіе). — Юбилей страданія и славы. Очеркъ. (Продолженіе). — Памятники Отечественной войны. — Альма Тадема. — Вильямъ Бутсъ. — Заявленіе. — Объявленія.

РИСУНКИ: Профессоръ Альма Тадема. — Сафо. — Послѣдняя египетская казнь. — Фредегонда. — Памятники Отечественной войны (22 рисунка). — Бородинское поле въ наши дни (16 рисунковъ). — Генералъ Арміи спасенія Вильямъ Бутсъ.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературные и популярно-научные приложения“ за Сентябрь 1912 г., 2) „ПАРИЖОНІЯ МОДЫ“ за Сентябрь 1912 г. съ 42 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. величину и 28 рис. для выжиганія.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

